

ПРОПОЗИЦИЯ И ГЛАГОЛЫ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ

Понятие пропозиции в логике

Современная логика, а вслед за ней и лингвистика часто прибегают к понятию пропозиции. Обсуждая роль этого понятия в логических построениях, У. Куайн отмечал, в частности, что этот термин был отнесен к необходимой в логических операциях семантической константе, обозначая то общее, что существует между данным предложением и его переводами на другие языки или его внутриязыковыми перифразами. Нужда в пропозиции, — пишет Куайн, — ощущалась столь остро потому, что речь шла о некоторой ключевой категории, по отношению к которой осмыслялись другие логические понятия. Так, например, синонимия предложений обычно определяется через идентичность пропозиции¹.

Каковы бы ни были причины интереса логиков к пропозиции, факт чрезвычайной популярности этого понятия, относящегося к области значения предложения и занимающего в ней центральное место, остается очевидным. Вместе с тем почти пропорционально росту популярности пропозиции, увеличивается число разных ее истолкований и определений.

Рассмотрим коротко основные логические концепции пропозиции, а также те импульсы, благодаря которым это понятие претерпело в последние десятилетия коренные изменения.

Нет сомнений в том, что понятие пропозиции видоизменялось в общем русле эволюции логических воззрений в ряде логико-философских школ и, прежде всего, в так на-

¹ W. O. Quine. *Word and object*. N. Y., 1960, стр. 206.

зываемой «философии анализа»². Сдвиг в подходе ко многим категориям логики был отчасти следствием изменения общего взгляда на мир как объект исследования и логического осмысления: модель мира в виде совокупности предметов, сущего, т. е. интерес к статическому аспекту мира (соотв. обсуждение проблемы бытия, существования предметов), естественно обусловленный общей объектной ориентацией мышления, опредмечивающего все, о чем человек говорит и думает³, постепенно уступила место представлению о мире как о совокупности фактов (соотв. обсуждению проблемы реальности факта, типов фактов, а применительно к языку — истинности предложения).

Уже в теории объектов А. Мейнонга, отвечающей «предметной» концепции мира, выделен особый тип предметов, а именно объекты познавательных (шире, ментальных) актов («объективы», в терминологии автора). То, что мы видим, полагает Мейнонг, есть предмет в строгом смысле этого термина, однако мы судим не о предмете как о физической сущности, субстанции, а о его свойствах, образующих факт. Если можно утверждать, что предметы существуют, то применительно к «объективу» уместней употреблять термин «иметь место, происходить»⁴. В этой идее Мейнонга уже намечается перемещение интереса от «предметов» к «фактам», понимаемым как «логические атомы мира»⁵. Динамический подход к миру нашел свое наиболее обостренное выражение в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна, открывающемся следующими афоризмами: «1. Мир есть все то, что имеет место. 1.1. Мир есть совокупность фактов, а не вещей. 1.11. Мир определяется фактами и тем, что это *все* факты»⁶. Ср. также

² Здесь и в дальнейшем мы касаемся лишь некоторых понятий, сформулированных в процессе логического анализа языка науки. О роли логики в решении философских проблем см. в сб.: «Философия и логика». М., 1974 (особенно статью: В. А. Смирнов, П. В. Таванец. О взаимоотношении символической логики и философии).

³ W. O. Quine. Speaking of objects. «The structure of language. Readings in the philosophy of language». N.Y., 1964.

⁴ A. Meinong. The theory of objects. «Realism and the background of the phenomenology». Ed. by R. Chisholm. Glence, 1960.

⁵ Изложение и анализ концепций логического атомизма см. в кн.: А. С. Богомолов. Английская буржуазная философия XX в. М., 1973, стр. 195 и след.

⁶ Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат. Пер. с нем. М., 1958, стр. 31.

недавнее высказывание одного из видных представителей лингвистической философии — З. Вендлера: «Мир человека, qua человека, не есть мир вещей, но мир фактов и возможностей»⁷. Существенность учета динамического аспекта мира, при разграничении семантических типов таких единиц языка, как слово и предложение, была подчеркнута С. Д. Кацнельсоном: «Мнение, будто мир это огромное скопление разрозненных предметов и признаков, на которые остается лишь навесить словесные этикетки, неверно и, в сущности говоря, наваяно структурой языка. В реальности мир — не вещевой склад, на полках которого лежат рассортированные по классам предметы и признаки, и словарь — не их инвентарная опись»⁸.

Интерес к «фактическому» аспекту мира, к существующим в нем «положениям дел» естественно побудил логиков перейти от разработки семантических моделей имени (знака предмета) к изучению значения предложения (понимаемого как знак события). Действительно, пристальное и неотступное внимание к семантической структуре предложения, вытеснившего имя с центральных позиций, характеризует все основные системы современной логической семантики. Если ранее среди логиков преобладало механистическое представление о значении предложения как о совокупности значений входящих в него слов, то теперь значение слова рассматривается уже не как семантически автономная категория, своего рода смысловой атом, а как функция значения предложения.

Позднее эта идея была в достаточно категорической форме выражена Л. Витгенштейном: «З. З. Только предложение имеет смысл, только в контексте предложения имя обладает значением»⁹.

Другое следствие обращения логиков к «миру фактов» можно видеть в общей семантизации логического понятийного аппарата.

Категории классической логики, как известно, определялись прежде всего по их отношению к типам и формам мышления. Под пропозицией, или логическим суждением, подразумевалась определенная форма мысли, утверждаю-

⁷ Z. Vendler. Say what you think. «Studies in thought and language». The Univ. of Arizona Press, 1970, стр. 92.

⁸ С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 141.

⁹ Л. Витгенштейн. Указ. соч., стр. 39.

щая или отрицающая нечто о предметах действительности. В этом именно значении термин «пропозиция» (англ., фр. proposition) был воспринят лингвистами, отнесшими его к языковой форме выражения суждения — к повествовательному предложению, а затем и к любому предложению вообще ¹⁰. С формы (способа) мышления термин «пропозиция» был перенесен на весьма разнообразные формы языка.

Символическая логика, в отличие от классической, стремится к определению своих понятий непосредственно по их отношению к категориям реальности, минуя их отражение в человеческом сознании ¹¹. Вследствие этой общей тенденции понятие пропозиции постепенно «повернулось» от мышления к миру, от субъективного фактора к фактору объективному. Оно стало применяться уже не к форме мышления, а к его содержанию, к конкретной мысли, выражаемой в предложении, тому, что в нем обозначается. Получив «семантизирующий» импульс, пропозиция, как будет видно из дальнейшего изложения, стала постепенно освобождаться от категорий субъективной модальности, передвигаясь тем самым в направлении от утверждения о событии, или положении дел, к обозначению самого события, от выражения того, что мы думаем о мире, к обозначению того, что происходит в мире.

Определение пропозиции было теперь поставлено в прямую зависимость от семантических теорий предложения. Последние же конструировались по аналогии с семантическими моделями имени, или термина. По мере того, как в фокус логических исследований попадало значение предложения, понятия и категории семантики, выработанные логиками применительно к имени, перемещались в сторону предложения.

Номиналистические теории предложения (т. е. теории, в основу которых клались принципы именования) получили, как известно, первое воплощение в трудах Г. Фреге. Обратившись к проблеме семантической структуры имени в связи с законом тождества (закон Лейбница) и допусти-

¹⁰ Русский термин «предложение» является, как известно, калькой с лат. *propositio, -onis* 'суждение'.

¹¹ См.: Т. Н. Ломтев. Принцип отражения и его значение для теоретической грамматики. «Ленинизм и теоретические проблемы языковедения». М., 1970.

мостью замены одного имени другим в том или другом контексте, Фреге определил семантическую структуру имени как состоящую из смысла (Sinn), или способа представления предмета, и денотации, или референции (Bedeutung), т. е. отнесенности имени к определенному предмету.

Затем Г. Фреге применил эту модель к значению предложения. Предложению, по Фреге, так же как и имени, присущи смысл и значение (денотация, референция). Смыслом предложения (Фреге рассматривал только повествовательные предложения) следует считать выражаемую им мысль (Gedanke); денотацию предложения составляет его истинностное значение. Предложение тем самым может иметь только два денотата — истину (то, что имеет место в мире) и ложь (то, чего нет «на самом деле»). Сочетание мысли с истинностным значением, создавая семантику предложения, открывает путь к познанию действительности. В любом суждении, заключает Фреге, уже сделан шаг от уровня мысли (смысла) к уровню референции (значения), т. е. совершен акт утверждения некоторого содержания как истинного или ложного¹². Отделяя пропозицию от коммуникативной модальности, Г. Фреге вводит для обозначения утверждения знак \vdash .

Если отвлечься от терминологических вариантов, то можно считать, что семантическая модель языковых единиц — имени и предложения, выдвинутая Г. Фреге, — легла в основу почти всех последующих логических теорий значения. Для того чтобы более ясно представить себе специфику различных концепций значения предложения, а также пределы, в которых колеблется определение пропозиции, возьмем в качестве термина сравнения следующую схему:

Единицы языка (слово, предложение)	«Единицы» действительности (предметы, события)
1. Смысл (коннотация, сигнификат)	3. Свойства предмета/события
2. Денотация (референция)	4. Предметы, события

Не все семантические концепции различают 3-й и 4-й компоненты схемы.

¹² G. Frege. On sense and reference. «Translations from philosophical writings of Gottlob Frege». Oxford, 1952, стр. 63 (первая публикация — 1892 г.). — Анализ концепции Г. Фреге см.: Б. В. Бирю-

Б. Рассел, которому уже была очевидна не только важность для современной логики понятия пропозиции, но и необходимость в его новом осмыслении, определил пропозицию как «содержание веры» (content of belief). Пропозиция, по Расселу, это то, что мы думаем, когда думаем истинно или ложно (what we believe, when we believe truly or falsely). Понятие пропозиции противопоставляется Расселом «пропозициональному отношению» (propositional attitude), выражаемому глаголами, способными сочетаться с пропозицией. Отделив объективное содержание предложения от субъективного компонента, Рассел поставил его в прямую связь с действительностью, фактом, под которым английский мыслитель понимал то в структуре мира, что делает наши знания о нем истинными или ложными¹³. Так, факт поражения Наполеона при Ватерлоо есть то имевшее место событие, тот «атрибут мира», который придает истинность суждению «Наполеон потерпел поражение при Ватерлоо». Таким образом, динамический аспект мира создается свойствами, атрибутами предметов, тем, что связывает их с категорией времени. С этим аспектом мира и соотносится понятие истинности.

Специфика теории пропозиции Рассела, как и всех излагаемых ниже концепций, связана с тем, что в отличие от классической логики, занятой изучением форм мышления и обращавшейся для этого к основной структуре предложения типа *Человек смертен*, в которой наиболее очевидно выступает форма суждения *S есть P*, символическая логика обратилась к предложениям с многоместным предикатом, обозначающим сложное «положение дел» (факт) и скрывающим за собою несколько суждений, из которых, впрочем, только одно получает коммуникативную релевантность (тип *Девочка дает брату яблоко* — $aRbc$)¹⁴.

ков. Теория смысла Готлоба Фреге. «Применение логики в науке и технике». М., 1960; Е. Д. Смирнова, П. В. Таванец. Семантика в логике. «Логическая семантика и модальная логика». М., 1967, стр. 34—39.

¹³ В. Russell. On propositions: what they are and how they mean. — В кн.: В. Russell. Logic and knowledge. London, 1956.

¹⁴ Совершенно аналогичным образом и в лингвистике переключенные внимания с коммуникативной структуры предложения к проб-

Будучи сложными единицами, факты, по Расселу, имеют в качестве составляющих конstituенты, занимающие в них разные позиции. Два факта считаются идентичными по форме, если они различаются конstituентами, но не занимаемыми ими местами. Ср. *Наполеон ненавидит Веллингтона* и *Сократ любит Платона*.

Самое важное, по Расселу, свойство пропозиции заключается в том, что она является актуальным фактом речи, имеющим некоторую структурную аналогию с реальным фактом.

Хотя истинность предложения зависит от его отношения к реальному факту, этот последний, по мнению Рассела, не следует считать значением предложения. Подобная точка зрения вызвала бы непреодолимые трудности в определении значения ложного предложения. «Если в солнечный день я утверждаю *Идет дождь*, — замечает Рассел, — едва ли уместно искать значение этого предложения в факте сияния солнца»¹⁵. В этом случае не приходится говорить и о денотации предложения, так как это уподобило бы его имени собственному или дескрипции. Чтобы обозначить отношение пропозиции к объективному факту, Б. Рассел пользуется термином референция¹⁶.

Итак, пропозиция, по Расселу, это единица, представляющая собой актуальный факт, обладающая определенным синтаксическим строением, изоморфным структуре действительного факта, способная выражать истинностное значение и коррелирующая с глаголами пропозиционального отношения.

Изложенные воззрения Рассела во многом определили не только основные признаки пропозиции, но и тот круг проблем, который стало принято связывать с этой категорией.

лемам его семантического строения имело своим результатом изменение состава исследуемого материала: изучению форм абсолютной предикации в лингвистических работах стали предпочитать анализ предложений с относительными (многовалентными) предикатами. Ср., например, следующее замечание С. Д. Кацнельсона: «В силу своей одноместности абсолютные предикаты не представляют большого интереса для семантико-синтаксического исследования» (С. Д. Кацнельсон. Указ. соч., стр. 178).

¹⁵ В. Russell. Указ. соч., стр. 314.

¹⁶ Там же.

Концепция пропозиционального знака (Satzzeichen), изложенная в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна, в основном совпадает с идеями Б. Рассела. Видя в предложении образ или модель мира, повторяющую своим строением структуру атомарного факта, Л. Витгенштейн подчеркнул непосредственное отношение пропозиционального знака к миру. Ср.: «3.21. Конфигурация простых знаков в пропозициональном знаке соответствует конфигурации объектов в положении вещей»¹⁷. Еще более определенно, чем Рассел, Л. Витгенштейн сформулировал принципиальное различие между семантической функцией имени (простого знака) и пропозиционального знака. Ср. следующие его афоризмы: «3.144. Положения вещей могут быть описаны, но не названы (Имена подобны точкам, предложения — стрелкам, они имеют смысл)» и ниже: «3.221. Объекты я могу только называть. Знаки замещают их. Я могу только говорить о них, но не высказывать их. Предложение может только сказать, как существует предмет, но не что он такое»¹⁸.

Дальнейшее развитие идеи пропозиции шло путем уточнения места этого понятия в общей семантической модели предложения и определения его отношений с другими компонентами этой модели. Каждый автор обращал преимущественное внимание на какой-либо один аспект пропозиции.

А. Черч, который стоит ближе всего из современных логиков к идеям Г. Фреге, употребляет термин «пропозиция» в качестве английского эквивалента использованного Фреге термина *Gedanke* 'мысль', т. е. в значении смысла предложения (см. стр. 25, 1-й компонент схемы), понимаемого уже Фреге не как субъективная деятельность мышления, а как некоторое объективное, независимое от говорящего, содержание. Будучи абстрактным объектом, пропозиция, по Черчу, лишена того психологического оттенка, который свойствен суждению (*judgment*). А. Черч, вслед за Фреге, называет денотацией предложения его истинностное значение. Раз смысл языковых единиц детерминирует их денотацию и может рассматриваться как концепт денотата, то пропозицию следует определить как концепт истинностного значения предложе-

¹⁷ Л. Витгенштейн. Указ. соч., стр. 38.

¹⁸ Там же.

ния. Черч, таким образом, формулирует отношение смысла к денотату в терминах концепта¹⁹.

Разработка проблемы отношений между компонентами семантической модели языковых единиц и соответствующими им элементами действительности была продолжена польским логиком К. Айдукевичем. Размышляя над проблемами значения, К. Айдукевич приходит в итоге (речь идет о последнем периоде его научной деятельности) к выделению двух типов семантических отношений: одно из них — отношение денотации — связывает знак и предметы, другое — отношение коннотации — соотносит знак и свойства предметов, им обозначаемых. Применительно к предложению эти два типа семантических отношений могут быть названы отношением денотации (в смысле Фреге) и отношением утверждения (*the relation of stating*). Пропозиция — это то, что утверждается в предложении, т. е. свойства, атрибуты мира. Пропозиция, констатируемая в истинном предложении, есть факт. Те свойства действительности, которые образуют пропозицию, состоят в отношениях между предметами. В предложении утверждается соответствие между синтаксическими местами, занимаемыми именами, и взаимодействием предметов, вовлеченных в событие. В концепции Айдукевича в фокусе внимания оказалась реляционная структура пропозиции²⁰. Как и Б. Рассел, Айдукевич сосредоточил основное внимание на пропозициях, образуемых многоместными пропозициональными функциями (относительными предикатами).

Итак, Айдукевич связал термин «пропозиция» с теми свойствами реального мира, которые утверждаются в предложении и соответствуют его коннотации (смыслу). Понятие пропозиции было тем самым изъято из сферы языка и непосредственно отнесено к атрибутам реальности (см. стр. 25, 3-й компонент схемы).

В теории К. Льюиса²¹ была заострена идея отношения пропозиции к утверждению, наметившаяся еще у Г. Фреге, оригинально разработанная Айдукевичем и очень существ-

¹⁹ А. Черч. Введение в математическую логику. Пер. с англ. М., 1960, стр. 32.

²⁰ К. *Ajdukiewicz*. Proposition as the connotation of sentence. «*Studia logica*», 1967, t. XX.

²¹ С. I. Lewis. The modes of meaning. «*Semantics and the philosophy of language*», t. I. Urbana, 1952.

венная, как будет видно, для всего последующего развития этого понятия.

Моделируя, подобно большинству логиков, значение предложения по аналогии со значением имени (терма), Льюис определяет пропозицию как терм, способный обозначать положение дел. Пропозиция, по Льюису, это то содержание, которое может быть подвергнуто утверждению, отрицанию, предположению, сомнению и т. п. Оно легко обращается в побуждение, о нем можно запросить адресата речи. «Пропозиция — это терм, приспособленный к обозначению положения дел. Определение пропозиции как выражения, способного быть истинным или ложным, достаточно верно, но не перспективно (*inauspicious*), так как оно может легко повести к отождествлению пропозиции с суждением или утверждением (*statement or assertion*); между тем элемент утверждения в суждении чужд утверждаемой пропозиции. Пропозиция есть нечто утверждаемое (*assertable*), содержание утверждения, причем то же самое содержание, обозначающее то же самое положение дел, может быть подвергнуто запросу, отрицанию или только предположению. Оно может быть использовано также и в других модусах (*moods*)»²². Льюис резко отграничивает пропозицию от способов ее использования (*the modes of entertainment*).

«Положение дел» соответствует означаемому (сигнификации) пропозиции, а не ее денотации. Пропозиция обозначает лишь некий существенный атрибут, которым должен обладать мир, чтобы к нему было приложимо данное высказывание. Отношение утверждения, констатации (*statement*) приписывает обозначаемое пропозицией «положение дел» миру.

Денотация, или экстенсия, пропозиции либо охватывает мир, либо является пустой. Дистинктивным экстенциональным свойством пропозиции является ее истинность или ложность²³. Все истинные пропозиции, тем самым, обладают одинаковой экстенсией, равной миру, — все ложные пропозиции имеют нулевую экстенсию. Понятие субъекта суждения, таким образом, расширяется до объемов вселенной, а анализ пропозиции уподобляет-

²² C. I. Lewis. *An analysis of knowledge and valuation*. La Salle, 1946, стр. 49.

²³ C. Lewis. *The modes of meaning*, стр. 242.

ся принятому в лингвистике способу рассмотрения нерасчлененных предложений, целиком соотносимых с «положением дел» в мире. Интенсия (смысл, коннотация) пропозиции формируется всем тем, что составляет ее логическое следствие, т. е. всеми предложениями, обладающими условиями истинности, одинаковыми с данным.

Итак, пропозиция, по Льюису, имеет полную семантическую структуру терма, образуемую в его системе такими категориями как денотация, или экстенсия, коннотация, или интенсия, протяженность (*comprehension*)²⁴ и обозначаемое, или сигнификация²⁵. Рассматривая пропозицию как разновидность термов, Льюис отделяет от нее коммуникативную модальность.

Сближение пропозиции с термом (именем), ее отвлечение от категорий модальности было вызвано тенденцией, столь естественной в условиях предпринятого логиками анализа систем научных знаний, к объективации истинностного значения, к его освобождению от говорящего субъекта и речевой ситуации, т. е. от прагматических факторов.

Отдаляясь от субъективного компонента значения и отмежевываясь от глаголов пропозиционального отношения, пропозиция, будучи непосредственно соотнесена с действительностью, поставлена с ней «лицом к лицу», наведена на мир подобно правильному или кривому зеркалу, сохраняла связь с истинностным значением, которое тоже тем самым освобождалось от субъективной зависимости. Более того, во всех версиях пропозиции истинностное значение считалось основной отличительной чертой этой семантической категории. Признавая, что понятие пропозиции нуждается в уточнении, Л. Линский отмечал в то же время, что все логики согласны употреблять этот термин для обозначения того, что обладает признаком истинности или ложности²⁶. Приблизительно

²⁴ Под протяженностью, или объемом, терма имеются в виду все существующие и мыслимые предметы, к которым может быть отнесен данный терм и утверждение о существовании которых не таит в себе противоречия. Так, объем терма «квадрат» охватывает все существующие и воображаемые квадраты, но не включает «круглых квадратов» (*C. Lewis. The modes of meaning*, стр. 238).

²⁵ О семантической структуре терма см.: *C. Lewis. The modes of meaning*, стр. 237—241.

²⁶ *L. Linsky. Referring*. N. Y., 1967, стр. 91.

так же думают и лингвисты, пользующиеся этим понятием.

Ср. недавнее высказывание Б. Холл-Парти: «Интуитивно под пропозицией понимают то, что выражает предложение, т. е. то, о чем можно сказать, истинно оно или ложно»²⁷. В этом же значении принимает понятие пропозиции С. Д. Кацнельсон: «Всякое предложение отражает реальные факты с известным приближением. Выражаемая им пропозиция может быть в своем отношении к действительности верной, неточной или вовсе ложной. Всякая пропозиция имеет поэтому, как выражается логика, «функцию истинности»²⁸.

Пропозиция, таким образом, рассматривалась логиками как носитель (vehicle, carrier) независимой от субъекта истины.

Комментируя логическое определение пропозиции как семантической категории, способной получать истинностное значение, Л. Витгенштейн отмечал, что оно равнозначно указанию на то, что предикатами пропозиции могут быть слова *истина* и *ложь* (*истинно*, *ложно*)²⁹. Ср. *То, что лед легче воды, истина; То, что сейчас светит солнце, ложь*. Витгенштейн подчеркнул, таким образом, что приведенная дефиниция базируется на сочетаемости пропозиции с определенным семантическим типом предикатов, а не на соответствии концепту истины. Пока термин «пропозиция» обозначал логическое суждение, т. е. категорию, отвечающую коммуникативной цели утверждения / отрицания, истина и ложь составляли единственные предикаты пропозиции-суждения (если не считать «промежуточных» предикатов возможности, т. е. дизъюнкцию истинности и ложности). Позднее, по мере осознания множественности коммуникативных целей высказываний (см. подробно ниже), в пропозиции стали видеть тот семантический инвариант, который остается неизменным при изменении коммуникативной задачи и может, поэтому, входить не только в утверждение, но и в вопрос, просьбу, приказание, предположение, обещание, пожелание и т. п.

²⁷ B. Hall Partee. The semantics of belief-sentences. «Approaches to natural languages». Dordrecht — Boston, 1973, стр. 319.

²⁸ С. Д. Кацнельсон. Указ. соч., стр. 142.

²⁹ L. Wittgenstein. Philosophical investigations. Oxford, 1953, § 136.

Говоря о том, что пропозиция должна быть представлена в отвлечении от ее роли в «языковой игре», Л. Витгенштейн поясняет свою мысль следующей параллелью. Предположим, перед нами изображение боксера в определенной позиции. Оно может быть использовано в разных целях, например для демонстрации того, как следует или не следует стоять на ринге, для иллюстрации приемов работы определенного боксера и т. п. По отношению ко всем этим «способам применения» сама картинка остается неизменной, будучи, если воспользоваться химическим термином, своего рода пропозициональным радикалом (a propositional radical)³⁰.

Формирующийся новый подход делал очевидным, что истина и ложь являются далеко не единственными «партнерами» пропозиции, а, следовательно, нет причин считать дистинктивной чертой этой категории способность выражать истинностное значение. Указанный ход мысли привел З. Вендлера к следующему недвусмысленному заключению: «То, что я приказываю, в чем сомневаюсь, за что хвалю кого-нибудь, к чему стремлюсь, что утверждаю и т. п., может быть совершенно одним и тем же. Ср. *Я приказываю взять город; я запрещаю брать город; я сомневаюсь во взятии города.* Варьируется лишь внешняя форма, скрывающая за собой одну и ту же глубинную структуру. Эта абстрактная структура, взятая в ее семантическом аспекте, и есть пропозиция. Пропозиция всегда предстает в сочетании с теми или другими коммуникативными „силами“, придающими ей речевую целенаправленность. Очевидно, хотя это и идет вразрез с общепринятым мнением, что сами по себе пропозиции не бывают истинными или ложными, точно так же как они не бывают уместными, справедливыми, осуществимыми и т. п. Только в сочетании с определенными коммуникативными „силами“ они могут оцениваться как истинные, уместные или реализуемые»³¹ (подробнее о концепции З. Вендлера см. ниже).

Сама по себе мысль о том, что содержание суждения обладает известной степенью автономности от коммуникативной цели высказывания, выражалась логиками и лингвистами уже ранее, в связи с проблемой отношения

³⁰ L. Wittgenstein. Указ. соч., стр. 12 (подстрочное дополнение).

³¹ Z. Vendler. Les performatifs en perspective. «Langages», 1970, v. 17, стр. 89.

суждения к разным типам предложения — повествовательному предложению, вопросу и побуждению³².

Таким образом, истинностное значение может характеризовать пропозицию, только если ей сопутствует коммуникативная цель утверждения / отрицания, создающая суждение, т. е. требующая оценки содержания предложения по его соответствию или несоответствию фактам.

Суждение тем самым было восстановлено в своем прежнем составе: ему был возвращен модус. Однако к нему уже не применялся термин «пропозиция». Выйдя из субъективной сферы, этот термин больше в нее не вернулся. За обозначаемым им понятием закрепилась противопоставленность «пропозициональным отношениям», в том числе и модусу утверждения / отрицания, порождающему истинностное значение. Пропозицией стали называть семантическую структуру, способную входить в модальную рамку.

Итак, понятие пропозиции прошло следующие этапы развития: 1) сначала оно соответствовало целостному суждению, как определенной форме мысли, состоящей из модуса утверждения и диктума; 2) затем оно было определено как «объективированное» содержание мысли, отделенное от субъективной модальности и непосредственно соотнесенное с обозначаемым «положением дел», как если бы постоянным спутником пропозиции был модус утверждения, а единственным ее назначением — «портретирование», воспроизведение фрагментов действительности, что позволяло пропозиции сохранить связь с истинностным значением; 3) наконец, термин «пропозиция» был применен к значению той части любого предложения, той семантической структуре, которая способна соединяться с любым «модусом коммуникативной цели», т. е. с глаголами, выражающими целенаправленность речевого акта.

* * *

В ходе обсуждения проблемы пропозиции, как можно было убедиться, обнаружились разногласия, отчасти связанные с трудностями четкого разграничения тех катего-

³² Об этом см.: В. З. Панфилов. Взаимоотношение языка и мышления М., 1971, стр. 113—137; И. В. Копнин. Диалектика. Логика. Наука. М., 1973, стр. 213 и сл.

рий, которые, казалось бы, столь явственно и очевидно различны, в частности, категорий языка и явлений действительности, единиц значения и двусторонних знаков.

В некоторых концепциях наблюдается тенденция к ослаблению наиболее фундаментального семиотического различия между категориями языка и действительности: коннотацией и свойствами объектов, денотацией и классом объектов. Это, по-видимому, обусловлено тем, что действительность фигурирует в семантических схемах не в ее «сыром» облике, а уже пропущенная через классифицирующую и абстрагирующую деятельность человеческого сознания, отраженную и закрепленную в языке. Компоненты действительности, поэтому, произвольно «поднимаются» на уровень языка. Неясностью границы между языком и реальностью, как можно предположить, объясняется склонность ряда логиков, особенно К. Льюиса, к «динамизированной» форме многих терминов (ср. *денотация* вместо *денотат*, *сигнификация* вместо *сигнификат*, *десигнация* вместо *десигнат*, *классификация* вместо *класс*), которые можно относить и к способности единиц языка обозначать нечто реальное и само это «нечто», т. е. применять и к модели значения и к действительности. Неразграниченность категорий языка и действительности особенно заметна, когда речь идет о свойствах предметов и сигнификативном содержании слов (т. е. о 1-м и 3-м компонентах схемы) ³³.

Очень часто приходится констатировать отсутствие необходимой дифференциации между «чистым» значением и двусторонним знаком. Эта тенденция, выявляющаяся в самих способах выражения и изложения, обусловлена тем, что категории значения, в том числе и семантика предложения, всегда имеют некоторую (пусть условную) форму записи, без которой ими невозможно оперировать. Вследствие этого, они невольно мыслятся как двусторонние сущности. Поэтому, некоторые авторы, определяя пропозицию как значение предложения, в то же время пользуются такими терминами как «синтаксическая структура пропозиции», «значение пропозиции». В результате такого словоупотребления понятие пропозиции сме-

³³ Ср. определение пропозиции то как коннотации (смысла) предложения (А. Черч), то как атрибутов действительности (К. Айдукевич).

шивается вновь с понятием предложения. Представляется, что преодолеть эту тенденцию, в свое время приведшую к возникновению³⁴ самого термина «предложение» в результате переноса обозначения содержания на обозначение формы, практически невозможно. Такого рода «перескакивание» терминов с двусторонних единиц на их значение, со значения на форму и наоборот представляет собой характерную черту функционирования лингвистической терминологии³⁴.

Пожалуй, самым большим местом семантических теорий предложения является проблема денотации (референции). Пока еще не было предложено ни одного удовлетворительного решения этого вопроса (референтом предложения считают в разных системах мир, факт, событие, истинностное значение). Трудности «подыскивания» предложению адекватного денотата не случайны. Они вытекают из неорганичности понятия денотата и денотативных отношений для семантической структуры предложения. Действительно, указанные понятия были привнесены в семантическую модель предложения из модели значения имени, в которой денотации соответствует основная (первичная) функция имени — функция называния (именования) предмета, о котором делается сообщение. Различие между номинативным предложением *Море (Это — море)* и словом *море* в *Море светилось* состоит в нереферентности первого употребления и референтности второго. Внутри предложения *Море светилось* имя выполняет роль знакового заместителя предмета, о котором делается сообщение. Этот предмет представляет собой денотат имени «море». Предложение *Море* не выполняет функции субституции по отношению к денотату: слово *море* указывает только на классификационно значимые черты соответствующей реалии, не идентифицируясь с ней. Денотацией, таким образом, обладает субъект (шире, идентифицирующие имена), но не предикат предложения. В предложении, таким образом, денотат и сигнификат, т. е. функция **н а з ы в а н и я** и **о б о з н а ч е н и я**, образующие се-

³⁴ См. о развитии значения термина «морфема» в кн. «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972, раздел «Основная единица морфологического анализа» (стр. 233—256). Ср. также употребление термина «падеж» в «падежной грамматике» Филлмора (*Н. Д. Арутюнова. Проблемы синтаксиса и семантики в трудах Ч. Филлмора.* — ВЯ, 1973, № 1).

мантическую структуру неактуализованного имени нарицательного, «разведены» по разным составам: субъект в общем случае получает денотативное значение, предикат реализует свое сигнификативное содержание. Предложение, выражающее конкретное суждение, поэтому лишено семантической гомогенности.

Применительно к целиком взятому предложению, семантика которого опирается на предикат, проблема денотации не находит естественного разрешения. Именно это объясняет изложенную выше точку зрения Льюиса (представляющую собой модификацию взглядов Фреге), согласно которой денотация предложения охватывает мир или является пустой. Такое ничем не ограниченное представление денотата предложения свидетельствует, как кажется, об избыточности понятия денотации для теории значения предложения. Введение этого понятия в семантическую модель предложения стирает различия между семантическими свойствами предложения и имени. Оно, кроме того, затемняет основную семантическую черту «классического» (т. е. двусоставного расчлененного) предложения, заключающуюся в его смысловой гетерогенности, в семантической противопоставленности по «уровню значения» идентифицирующих имен и предиката.

Изложенный здесь взгляд не позволяет видеть в пропозиции семантически однородную единицу, соответствующую сигнификату предложения, обозначающую некоторое положение дел и соотносимую с субъективным модусом. То в природе языка, что в этом случае дает повод для выделения пропозиции, есть не более, чем специфика значения предикатов (в особенности многоместных), задающих определенную конфигурацию и семантические типы актантов (синтаксически связанных с предикатом имен). Между тем, понятие пропозиции чрезвычайно полезно в другом отношении: оно составляет ту основу, на которой держится здание пропозитивной семантики (см. ниже). В данной работе понятие пропозиции находит себе место прежде всего в этой функции. Для наших целей, поэтому, достаточно определить пропозицию как семантическую структуру, объединяющую денотативное и сигнификативное значения, из которых последнему принадлежит центральная позиция.

Один из результатов развития логических идей, относящихся к значению предложения (пропозиции), мож-

но видеть в выделении его номинативного аспекта, или уровня смысла, в отвлечении от актуализирующих значений, или модальных операторов.

Обращение к номинативному аспекту связано с задачей различения ложных и бессмысленных высказываний, а также с комплексом идей, касающихся синтаксических и коммуникативных преобразований предложений, не затрагивающих пропозиции. Некоторые исследователи говорят о специфических для пропозиции категориях³⁵. В этом же контексте был поставлен очень существенный для теории синтаксиса вопрос о роли пропозиции в составе высказывания, а также о семантическом спектре сочетающихся с пропозицией глаголов пропозиционального отношения.

Другим результатом развития логических концепций явилось введение функции утверждения в общий ряд с прочими видами коммуникативных «сил», вследствие чего истинностное значение, коррелирующее с утверждением, перестало считаться основным свойством пропозиции. Объединение утверждения с другими коммуникативными целями справедливо лишь отчасти. Утверждение по ряду черт существенно отлично от прочих коммуникативных заданий. Это отличие состоит в следующем. Только суждение, создаваемое отношением утверждения, допускает отвлечение от прагматического фактора. Нельзя обсуждать содержание таких речевых актов, как обещание, просьба, приказание, угроза, предупреждение и т. п. относительно к автору и адресату речи, но можно говорить о содержании утверждения, независимо от того, кем оно было сделано и к кому обращено. Приказ и просьба, угроза и обещание бессмысленны, если они ни к кому не адресованы, утверждение может не иметь ни автора, ни адресата. Кроме того, отношение к действительности, характеризующее суждение, небезразлично и для других коммуникативных целей, при которых оно связано с «будущими мирами». Это как бы поднимает отношение утверждения над прочими коммуникативными «силами».

³⁵ Л. М. Ковалева. Переходность — непереходность как категории пропозиции. «Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов на секционных заседаниях». М., 1974.

«Инструментальные» концепции языка

Если внимание школы «философии анализа», поставившей задачу исследования языка науки и его формализации, было сосредоточено на понятиях пропозиции и ее истинностного значения, на выяснении логических отношений между пропозициями, в частности отношений импликации, на возможностях сведения интенциональных контекстов к экстенциональным и т. п., то Оксфордская школа, обратившись к изучению обыденного языка и закономерностей его функционирования в естественных условиях коммуникации, а также к описанию норм речевого словоупотребления, включила в круг своих интересов субъективный аспект речи и собственно прагматический фактор: пропозициональные отношения, их взаимодействие с пропозицией, ситуативные условия и цели коммуникации. «Мир» в этих новых теориях составляет уже не семантический субстрат пропозиции, а фактор, создающий ситуацию коммуникации и определяющий ее задачи. Иначе говоря, мир вошел в эти концепции через человека.

Очень характерно, что, если представители школы логического анализа подчеркивали объективный характер таких понятий как Begriff (Фреге), концепт (Рассел), составляющих семантическую основу высказываний, то теперь даже этому наиболее «объективному» компоненту значения предложения придается субъективная окраска. «Концепт, в том смысле, в каком я употребляю этот термин, субъективен. Это умственное построение (mental caracity), принадлежащее определенному лицу»³⁶, — писал П. Гич, разъясняя отличие своих взглядов от взглядов логиков аналитического направления.

Утратило объективность, независимость от прагматического аспекта речи и понятие логического вывода. Отношения импликации устанавливаются теперь не между пропозициями, а скорее между целостными высказываниями или высказываниями и включенными в них пропозициями. Так, например, некоторые авторы считают, что вопрос *Ты мог бы помочь мне?* имплицитно просит *Помоги мне!*³⁷. В этом случае речь может идти только об

³⁶ P. Geach. Mental acts. London [б.г.], стр. 13—14.

³⁷ D. Gordon, G. Lakoff. Conversational postulates. «Papers from the 7 Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society». Chicago, 1971.

импликации (точнее, замене) одного коммуникативного намерения другим. Дж. Остин усматривает отношения импликации между пропозицией *Идет дождь* и высказыванием *Я думаю (полагаю), что идет дождь*³⁸. Импликация в таком понимании составляет «условие доброй воли» речевой деятельности, а нарушение импликации указывает на отсутствие искренности, а не на отсутствие истинности.

Вместо истинности предложения, таким образом, в центре внимания логиков и философов оказалась искренность высказывания (см. ниже).

Если раньше считалось более важным отношение предложения к действительности, то теперь на первый план выдвигается отношение высказывания к автору речи.

Позднее сам Остин уточнил и разъяснил особый вид импликации, который имеет место в подобных случаях: не «дождь идет» имплицитно означает «я полагаю, что идет дождь» (т. е. не « $p > q$ »), а утверждение p имплицитно означает в особом смысле этого термина «я думаю, что p ». Точно так же, как, задавая вопрос, говорящий дает понять, что он не располагает необходимой информацией, автор речи, утверждая что-либо, дает понять, что его слова соответствуют его образу мыслей. Высказывание *Дождь идет, но я так не считаю* не содержит явного противоречия. Оно скорее нарушает молчаливое соглашение об употреблении языка в определенных ситуациях³⁹.

Й. Уетли называет такого рода отношения «обязательством» (engagement). Ср. « A утверждает, что p » предполагает « A верит в то, что p »; « A просит X » предполагает, что « A нуждается в X »; « A нуждается в X » предполагает, что « A будет стремиться получить X »; « A говорит: «Я обещаю сделать это» предполагает, что « A намерен сделать это». Отношения обязательства лежат в основе нестрогих правил (defeasable rules) приведенного выше типа⁴⁰.

Если соблюдение правил логического вывода обеспечивает семантическую корректность предложения, то соблюдение принципа искренности обеспечивает успеш-

³⁸ J. L. Austin. How to do things with words. Cambridge, 1962, стр. 47—50.

³⁹ J. L. Austin. The meaning of a word. «Theory of meaning». Prentice-Hall, 1970, стр. 43.

⁴⁰ J. Wheatly. Language and rules. The Hague — Paris, 1970, стр. 34—35.

ное использование высказывания. Логические импликации определяют корректное мышление, а коммуникативные импликации — корректное поведение.

Таким образом, одним из следствий общего поворота интереса логиков к обыденному языку была субъективизация и даже психологизация основного понятийного аппарата ⁴¹.

Посмотрим теперь на какую общую теорию опирался новый круг интересов, связанных с изучением языка.

Л. Витгенштейн, идеи которого, относящиеся ко второму периоду творчества, во многом определили воззрения Оксфордской школы, обратил внимание на недостаточность подхода многих логиков и философов, ограничивающих функции предложения лишь описанием факта, т. е. утверждением истинности или ложности пропозиции. Такой взгляд, сложившийся в процессе логического анализа языка науки, скользит мимо множественности орудий обиходной речи, мимо огромного количества существующих в ней разновидностей слово- и фразеупотребления. Отдавать распоряжения, умолять, спрашивать и отвечать, благодарить, проклинать, поощрять, приветствовать, заниматься пересказом или пустой болтовней, высказывать предположение, отгадывать загадки, шутить, решать задачи, переводить, обучать языку и пр. — все это в той же мере создает факты нашей естественной истории как еда, питье, прогулки, игры и пр. ⁴²

Это положение составляет ключ к концепции, изложенной в посмертно опубликованных «Философских исследованиях» Л. Витгенштейна. Оно определило понимание речи как компонента человеческой деятельности, а языка как орудия, направленного на выполнение определенной задачи. Можно вообразить языки, приспособленные к достижению лишь некоторых целей, — писал Витгенштейн, — например, язык приказов или язык вопросно-ответного типа; причем, представить себе такой язык значит в то же время представить себе определенную форму жизни ⁴³.

Язык уподобляется Витгенштейном игре, высказывание же понимается как ход в этой игре, удовлетворяю-

⁴¹ Совершенно аналогичную эволюцию испытало понятие референции. См. об этом в главе «Элементы теории референции».

⁴² *L. Wittgenstein. Philosophical investigations*, стр. 12, § 23—25.

⁴³ *L. Wittgenstein. Указ. соч.*, стр. 8, § 12.

щий определенным конвенциональным правилам и вместе с тем связывающий «слово» и «дело», между которыми, как подчеркивал Витгенштейн, существует поразительная согласованность. Под языковыми играми (language-games) Витгенштейн имел в виду все виды пользования языком (речью), прежде всего то целое, которое образует язык и действие. Мы вводим термин «языковая игра», писал Витгенштейн, чтобы подчеркнуть тот факт, что говорение есть часть деятельности, или форм жизни⁴⁴. Эта идея переключила интересы логиков с пропозиции на глаголы пропозиционального отношения, эксплицирующие инструментальный аспект высказывания. Сама по себе пропозиция, освобожденная от значения коммуникативной цели, не составляет предложения нашего языка. Она не есть ход в языковой игре⁴⁵. Интерес к деятельности, инструментальной стороне речи отодвинул в концепции Витгенштейна проблемы, касающиеся связи языка и мышления⁴⁶, с одной стороны, и отношения содержания предложения к действительности — с другой.

Любопытно, что Витгенштейн и его сторонники иллюстрируя свое понимание языка, постоянно сравнивали его, подобно Соссюру, с игрой в шахматы. Однако, если для Соссюра существенным в этой аналогии было прежде всего то, что материальное воплощение шахматных фигур, их «субстанциональное содержание» безразлично для их игровой ценности, чем подтверждалась, в частности, условность связи между означаемым и означающим языкового знака, то Витгенштейн подчеркивал этим сопоставлением целеустремленность и регламентированность языка, его подчиненность набору конвенциональных правил. В первом случае сравнение раскрывало сущность единиц языка, во втором — принципы их функционирования.

После публикации работ «позднего» Витгенштейна среди его последователей окончательно утвердилась идея

⁴⁴ *L. Wittgenstein*, Указ. соч., стр. 12, § 23.

⁴⁵ Там же, стр. 10, § 19.

⁴⁶ Анализ и критика философской стороны концепции Л. Витгенштейна дана в кн.: *И. С. Нарский*. Современный позитивизм. М., 1961; *А. К. Безиашвили*. Современная английская лингвистическая философия. Тбилиси, 1965; *В. С. Шейрев*. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. М., 1966; *М. С. Козлова*. Философия и язык. М., 1972; *А. С. Богомолов*. Указ. соч., стр. 255 и след.

о том, что только предложение имеет смысл, значение же слов производно от смысла предложения. Словари, толкующие значения слов, писал в этой связи Дж. Остин, — могут предложить нам только опору (aid) для понимания предложений, содержащих эти слова⁴⁷ Под предложением Витгенштейн понимал не абстрактную синтаксическую структуру, не модель построения предикативных единиц, а скорее высказывание, целеустремленный речевой акт. Если основной характеристикой предложения принято считать его отнесенность к действительности (предикативность), то основным свойством высказывания, в понимании Витгенштейна, является его направленность на достижение определенной цели. В высказывании, таким образом, следует видеть орудие, а смысл его искать в его употреблении.

Подобно тому, как предложение (пропозиция) в свое время свергло слово с главенствующих в логической семантике позиций, теперь оно в свою очередь было смещено высказыванием. На смену теорий пропозиции пришли теории речевого акта (см. ниже).

Если ранее, как отмечалось, значение предложения моделировалось по аналогии со значением имени (терма), что послужило источником развития денотативных теорий значения предложения, то теперь, напротив, значение слова, в том числе и имени, определяется по аналогии со значением предложения (высказывания). Основные семантические свойства предложения начали считаться также наиболее существенными семантическими чертами слова.

Указанные выше признаки смысла предложения — подчиненность определенным правилам употребления и орудийность, целенаправленность — дали основание для формулирования концепции значения слова как его употребления. Почва для такого понимания значения, как уже говорилось, была подготовлена работами Фреге и Рассела. Последний писал: «Значение слова более или менее неопределенно. Оно может быть вскрыто только путем наблюдений за его употреблением: употребление первично, значение же извлекается из него. Отношение значения слова к его употреблению сходно по своей природе с законом причинности. Человек, правильно пользующийся словом, может не сознавать его значения точно так же,

⁴⁷ J. Austin. The meaning of a word, стр. 136.

как правильно двигающаяся планета не знает ничего о законе Кеплера»⁴⁸.

Реплика Л. Витгенштейна «Не спрашивайте меня, что значит слово, спросите лучше, как оно употребляется» стала девизом философов-оксфордцев. В «Философских исследованиях» эта мысль облечена в следующую более осторожную форму: «Для обширного класса случаев — хотя и не для всех, — в которых мы пользуемся словами, значение слова можно определить так: значение слова есть его употребление в языке»⁴⁹.

Итак, значение слова понимается как его роль в высказывании, а не тот денотат, к которому оно относится. Витгенштейн прямо предостерегал против смещения значения слова с носителем имени⁵⁰.

Теория значения тем самым теряет свой денотативный характер. Если в рамках логики анализа денотативная концепция значения применялась не только к именам, но и к предложению, то теперь, наоборот, коммуникативная теория значения была отнесена не только к смыслу высказывания, но и к значению входящих в него слов. Столь резкие колебания в построении семантических теорий, по-видимому, вызваны тем, что категория значения считается единой и универсальной, независимой от уровня анализа и типа единиц. На лингвистической почве такого рода гомогенная теория, которая бы не делала принципиальных различий между значением слова, предложения и высказывания, едва ли может оказаться эффективной: значение предложения не может описываться в тех же терминах, в которых описывается значение имени и, наоборот, значение имени не может описываться по той программе, по которой описывается смысл предложения. Значение прямо подчинено той функции, которую выполняет соответствующая ему единица; оно формируется в зависимости от предназначения этой единицы. Поэтому, принципиальные различия в коммуникативной функции слова, предложения и высказывания не могут не соответствовать принципиальным различиям в их семантической структуре. Если учитывать лишь классические формы каждой из названных единиц языка, то можно считать, что для классического слова (будем считать им нарицательное имя)

⁴⁸ B. Russell. *Logic and knowledge*, стр. 300.

⁴⁹ L. Wittgenstein. Указ. соч., стр. 20, § 43.

⁵⁰ Там же, стр. 20.

специфично наличие в его семантической структуре понятийного содержания (сигнификата) и денотативной отнесенности, или иначе, способности к называнию (именованию) и обозначению. Семантическая двучастность слова обусловлена его функциональной двойственностью, приспособленностью и к идентификации предмета речи, и к предикации; для предложения (пропозиции) характерна семантическая гетерогенность его компонентов, один из которых соответствует уровню сигнификации (предикат), другие находятся на денотативном уровне (аргументы, выполняющие функцию идентификации называемых ими предметов или событий), наконец, основной семантической характеристикой высказывания является указание на коммуникативную цель, с которой применяется пропозиция.

В заключение этого раздела мы хотели бы подчеркнуть, что для развития логических концепций значения характерна тенденция включать в определение этой категории те черты языка, которые принимаются в той или другой теории за доминанту. Поэтому несколько не удивительно, что утвердившийся среди представителей Оксфордского направления взгляд на язык как на орудие регламентированной деятельности непосредственно отразился на понимании категории значения.

Логико-философские теории речевого акта

Мысль о том, что речевая деятельность не должна противопоставляться другим видам человеческих действий, сама по себе не нова. Она высказывалась, в частности, Гегелем⁵¹. Изучая «Лекции по философии истории» Гегеля, В. И. Ленин обратил внимание на следующее его определение: «Речи... суть действия, происходящие между людьми» и сделал к нему следующее примечание «следовательно, эти речи не болтовня»⁵².

Советская психология и психолингвистика разрабатываются на основе общей теории деятельности. «Внесение

⁵¹ Анализ лингвистических воззрений Гегеля см.: *D. J. Cook. Language in the philosophy of Hegel. The Hague — Paris, 1973.*

⁵² *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 281.*

в психологическую науку категории деятельности (Tätigkeit) в ее последовательно марксистском понимании, — пишет А. Н. Леонтьев, — имеет поистине ключевое значение для решения таких капитальных проблем, как проблема сознания человека, его генезиса, его исторического и онтогенетического развития, проблема его внутреннего строения. Оно, наконец, единственно открывает возможность создать единую научную систему психологических знаний»⁵³.

Деятельностный подход определяет также психолингвистические исследования, проводимые Н. И. Жинкиным, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьевым и другими учеными⁵⁴.

Стремление к синтезу теории действий и теории речи характерно и для многих других направлений мысли. Оно привело, в частности, к идее перформативных высказываний, выдвинутой видным представителем философии обыденного языка — Дж. Остином⁵⁵. Предложения, на которые обратил внимание Остин, представляют собой не обычные сообщения, несущие некоторую информацию. Они скорее эквивалентны действию, поступку, определенной акции, иной раз чреватой серьезными последствиями. «To say is to do something» («Сказать что-либо значит совершить некоторый поступок») ⁵⁶ — писал Остин. В концепции Остина тем самым было снято резкое противопоставление «слов» и «дел». Если обычно право считать слова своими делами считалось привилегией писателей и поэтов⁵⁷, то теперь оно было признано за всеми людьми. Классическими примерами перформативных высказываний могут служить формулы объявления вой-

⁵³ А. Н. Леонтьев. Общее понятие о деятельности. «Основы теории речевой деятельности». М., 1974, стр. 5; ср. также: М. С. Каган. Человеческая деятельность. Опыт системного анализа. М., 1974.

⁵⁴ Принципы и метод, используемые этой школой, изложены в кн.: «Основы теории речевой деятельности». М., 1974 (к книге приложена большая библиография).

⁵⁵ J. Austin. Performative — constative. «Philosophy and ordinary language». Urbana, 1963; *Он же*. How to do things with words, стр. 5—12.

⁵⁶ J. Austin. How to do things with words, стр. 12.

⁵⁷ Ср. следующее высказывание Блока: «Похищенные у стихии и приведенные в гармонию звуки, внесенные в мир, сами начинают творить свое дело. «Слова поэта суть уже его дела». Они проявляют неожиданное могущество» (А. Блок. О назначении поэта).

ны, завещаний, клятв, присяг, слова обещания, вызовы на поединок, извинения и приглашения, предложения пари, формулы заключения сделок и соглашений. Словесные выражения, разумеется, могут повести к желаемому эффекту, только если соблюден ряд необходимых для этого условий, названных Остином «уловиями удачи» (happiness conditions).

Дж. Остин вывел перформативы из числа высказываний, выражающих истинностное значение. Вместо истинности или ложности перформативные высказывания, как и всякий поступок, как любое целенаправленное действие, характеризуются свойством эффективности или неэффективности, счастливого или несчастливого исхода, удачности или неудачности ⁵⁸.

Итак, перформативные высказывания обладают следующими отличительными чертами: 1) они ничего не констатируют, 2) они лишены истинностного значения, 3) их характеризует признак эффективности / неэффективности; 4) они должны отвечать некоторой социально узаконенной, общепринятой процедуре, церемониалу; 5) они неповторимы, единственны в своем роде, 6) классические перформативные высказывания содержат глагол в 1-м лице ед. числа, наст. времени индиктива актива.

Изучение перформативных высказываний и образующих их глаголов приводит Остина к определению структуры речевого акта. Совершить речевой акт, по Остину, означает: а) издать членораздельные звуки, относящиеся к определенному языковому коду, б) произнести некоторое высказывание, построенное из слов данного языка с соблюдением правил его грамматики, в) употребить высказывание с определенным смыслом и референцией, т. е. придать ему значение ⁵⁹.

Перечисленные ступени, однако, не исчерпывают процесса речеобразования. Всякое речение осуществляется с определенным намерением. Люди говорят для того, чтобы высказать свое суждение о чем-либо, дать совет, обещать или предложить что-либо, осудить или одобрить чей-либо поступок, убедить или разубедить в чем-нибудь собеседника, потребовать или выяснить что-либо. Целе-

⁵⁸ *J. Austin. How to do things with words*, стр. 12—25, где излагается учение о «речевых осечках» (по терминологии автора — *infelicities* 'несчастья, неудачи').

⁵⁹ Там же, стр. 92.

направленность превращает речение в иллокутивный (т. е. коммуникативный) акт (illocutionary act). Теорию коммуникативных функций речи Остин назвал учением об «иллокутивных силах» (illocutionary forces) высказывания⁶⁰.

Дж. Остин выделяет пять общих классов речевых актов, различающихся своей коммуникативной значимостью и близких к перформативам: 1) вердиктивы или «судейские акты» (verdictives), содержащие суждение о чем-либо; ср. *я считаю, оцениваю, полагаю, нахожу* и т. п.; 2) акты побуждения (exercitives); ср. *я приказываю, советую, побуждаю, отговариваю* и т. п.; 3) акты обязательства (commissives), ср. *я обязуюсь, обещаю, даю слово, клянусь* и т. п.; 4) формулы социального этикета, обычно выражающие реакцию на поведение других людей (behabitives); ср. *поздравляю, прошу извинения, беру свои слова обратно, выражаю сочувствие* и т. п.; 5) интродукции, эксплицирующие функцию реплики в коммуникации (expositives); ср. *я отвечаю, возражаю, соглашаюсь* и т. д.⁶¹ Все перечисленные классы глаголов включают в свое значение признак произнесения, речевого выражения: «обещать» значит не только намереваться что-либо сделать, но и выразить свое намерение словесно, сообщить о нем. Эта черта отличает перформативы от других глаголов поля пропозиционального отношения.

В логико-философском течении мысли идеи Остина имели огромный резонанс⁶².

Логика аналитического направления были поставлены перед задачей определения отношения перформативов к истинностному значению предложения. Этот вопрос обычно решается в духе «самоверификации»: перформативы зачисляются в категорию предложений, сам факт произне-

⁶⁰ J. Austin. *How to do things with words*, стр. 99.

⁶¹ Там же, стр. 150. — Мы не останавливаемся здесь на понятии perlocution, относящемся к последствиям речевого акта, его воздействию на чувства, мысли и действия адресата речи. Perlocution составляет пятый аспект речевого акта. Изучение этого аспекта речи существенно для определения отношений импликации между предложениями (см. ниже), а также для выяснения значения глаголов каузации (см. в главе «Закономерности формирования семантической структуры предложения»).

⁶² Об этом можно судить по материалам конференции, посвященной обсуждению концепции Остина. См. «Symposium on J. L. Austin». Ed. by K. T. Fann. London, 1969.

сения которых обнаруживает их истинность или ложность (так называемые самоподтверждающие и самоопровергающие высказывания — *selfverifying and selffalsifying sentence types* — ср. *я существую; все, произносимые мною предложения, начинаются с частицы «не»*)⁶³.

Но основное значение работ Остина состояло в том, что они стимулировали представителей Оксфордской школы на поиск общей теории деятельности, включающей как теорию действия, так и теорию речи.

Подход к речи как одному из видов целенаправленной человеческой активности усилил интерес логиков и лингвистов к конкретным целям коммуникации, а затем и к интенции, которая была отражена логиками не только в описании речевого акта, но и в определении таких общих категорий, как значение и референция (Г. Грайс⁶⁴, Дж. Сирль). Это очень хорошо видно при обращении к модели речевого акта, предложенной Дж. Сирлем.

Говорить, постоянно подчеркивает Дж. Сирль, значит быть занятым в подчиненной правилам форме интенционального, т. е. сознательного и целенаправленного, поведения. Дж. Сирль, соединивший в своей концепции идеи речевого акта «позднего» Витгенштейна и Остина с понятием значения Г. Грайса в несколько уточненной версии, различает два типа правил, которыми руководствуется человек в разных видах активности: *регулирующие и создающие*, или конститутивные, правила. Первые вводят в определенное русло уже существующие до правил и независимо от них формы поведения.

К числу регулирующих относятся, например, правила этикета. В отличие от них, конститутивные правила создают новые формы поведения, которые существуют только в силу наличия этих правил и не могут быть описаны безотносительно к ним. Правила любой игры имеют конститутивный характер. Говорение на языке понимается Сирлем как совершение речевых актов в соответствии с системой конститутивных правил и не может быть

⁶³ G. Sampson. Pragmatic self-verification and performatives. «Foundations of Language», 1971, v. 7, N 2.

⁶⁴ Г. Грайс определяет значение речевого акта через указание на коммуникативное намерение говорящего и его желание, чтобы это намерение было узвано адресатом речи (H. P. Grice. Meaning. «The Philosophical Review», 1957, v. 66, N 3, стр. 388).

описано в отвлечении от них. Хотя между языком и игрой существует известная аналогия, эти два вида человеческой активности весьма различны. Язык, в отличие от игры, наделен значением. В определении значения (имеется в виду значение высказывания, или, точнее, речевого акта). Сирль, как уже отмечалось, опирается на концепцию Грайса, эксплицитно связавшего значение с коммуникативным намерением. Значение, по Сирлю, определяется намерением говорящего произвести иллокутивный эффект на адресата, заставив его признать свое намерение вызвать именно данный эффект ⁶⁵.

В центре внимания Сирля находится речевой акт, представляющий собой единицу коммуникации. В речевом акте, по Сирлю, одновременно присутствуют три аспекта: 1) произнесение высказывания, или *utterance act*, 2) референция и предикация, соответствующие пропозициональному акту, 3) реализация коммуникативного намерения, или иллокутивный акт.

Видя свою задачу в изучении речевых актов, Сирль подчеркивает вместе с тем отсутствие принципиального различия между изучением семантики предложения и смысла реальных актов речи. В первом случае в фокус внимания попадает аспект значения, во втором — употребление предложения в разных речевых ситуациях. Хотя в ряде случаев значение речевого акта больше, нежели значение предложения, говорящий всегда может полно и точно эксплицировать все, что он намерен сообщить своему собеседнику: *whatever can be meant can be said* 'все что имеется в виду, может быть выражено словами' ⁶⁶. Сирль называет эту формулу «принципом выразимости».

Содержание предложения составляет пропозиция. Следуя взглядам К. Льюиса (см. выше), Сирль резко отличает пропозицию от функции утверждения. Пропозиция это то, что сообщается в акте утверждения. Утверждение (*assertion*), в отличие от пропозиции, представляет собой речевой акт, заключающийся в том, чтобы придать пропозиции истинностное значение (*commit the proposition to the truth*) ⁶⁷. В синтаксическом построении предложения Сирль соответственно различает показатель пропо-

⁶⁵ J. Searle. *Speech acts*. Cambridge, 1969, стр. 47.

⁶⁶ Там же, стр. 19.

⁶⁷ Там же, стр. 37.

зиционального содержания и индикаторы иллокутивной силы, создающей речевой акт. Последняя обычно выражается просодикой (ударением, интонацией) и перформативными глаголами. Хотя часто пропозициональное содержание и иллокутивные силы получают совместную реализацию, в глубинной структуре их следует разделять.

Предметом исследования, предпринятого Сирлем, являются разные типы речевых актов — требование, совет, благодарность, утверждение, предупреждение, вопрос, приветствие, поздравление.

Сирль формулирует несколько взаимонезависимых оснований для классификации речевых актов: намерение говорящего, соотносительное социальное положение говорящего и слушающего (ср. приказ и просьбу), различие в пропозициональном содержании, отношение обозначаемого события к интересам собеседников (ср. жалоба, предупреждение, хвастовство пр.), психическое состояние говорящего (ср. утверждение, предположение, уверенность и пр.), функция в коммуникации (ср. ответ, возражение, разъяснение и др.)⁶⁸.

Как можно заметить, Сирль широко пользуется критериями, относящимися к прагматическому аспекту речи. Тенденция производить систематизацию речевых актов, опираясь на классификацию тех ситуаций, в которых они могут быть уместно употреблены, является характерной чертой теорий речевой деятельности, стимулированных мыслями и наблюдениями Витгенштейна⁶⁹.

Описывая акт обещания, Дж. Сирль обращает внимание на необходимость соблюдения следующих условий. Для того, чтобы дать обещание согласно конвенциональной процедуре, нужно чтобы говорящий выразил соответствующую пропозицию, обозначив в ней свое будущее действие, и чтобы оно было желательным для адресата речи (этим обещание отличается от угрозы и предупреждения). Предполагается, что говорящий не совершил бы обещанного, не связав себя словесным обязательством. Таковы

⁶⁸ J. Searle. Указ. соч., стр. 70

⁶⁹ Ср., например, подробное описание ситуаций приказа (order situations), подразделяемых на ситуации личного повеления (personal order situations), ситуации приказов официальных лиц (authoritative order situations) и ситуации распоряжений властей (formal orders), в статье: H. Morris. Imperatives and orders. «Theoria», 1960, v. 26, N 3.

предварительные условия, или коммуникативные presuppositions, обещания.

Давая обещание, говорящий выражает свое подлинное намерение совершить желательный для адресата поступок, что составляет «условие искренности» описываемого речевого акта. Сам говорящий сознает, что слова обещания налагают на него известное обязательство и намеренно доводит это до сведения адресата. Эту последнюю черту Сирль считает основной характеристикой акта обещания⁷⁰.

Идеи Дж. Остина нашли отклик не только среди логиков и философов, но и среди лингвистов разных направлений. Они оказались близки Э. Бенвенисту, который уже раньше (в статье 1958 г.⁷¹), обсуждая субъективный аспект языка, обратил внимание на разную природу высказываний типа *Я клянусь (обещаю, даю гарантии и пр.)* и *Он клянется (обещает, дает гарантии и пр.)*. В первом случае имеет место сам акт клятвы (соотв. обещания, гарантирования), а во втором — сообщение о подобного рода акте. Чтобы показать близость мыслей французского ученого идеям Остина, приведем следующий отрывок из упомянутой публикации: «Таким образом, *я клянусь* является формой с особой значимостью, поскольку она связывает произносящего клятвой. Здесь высказывание есть одновременно выполнение: „клясться“ состоит именно в произнесении *я клянусь*, благодаря чему его ‘я’ и оказывается связанным клятвой. Высказывание *я клянусь* есть сам акт принятия на себя обязательства, а не описание выполняемого мною акта»⁷².

Э. Бенвенист заключает статью следующей рекомендацией: «Многие понятия лингвистики, а возможно, и психологии предстанут в ином свете, если восстановить их в рамках речи, которая есть язык, присваиваемый говорящим человеком, а также если определить их в ситуации межсубъектности (*intersubjectivité*), которая только и делает возможной языковую коммуникацию»⁷³.

Концепция Остина была использована и в генеративной теории. Основываясь на особенностях поведения ана-

⁷⁰ J. Searle. Указ. соч., стр. 54—61.

⁷¹ Э. Бенвенист. О субъективности в языке. — В кн.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.

⁷² Э. Бенвенист. Указ. соч., стр. 299.

⁷³ Там же, стр. 300.

форических местоимений, наличии подчиненных и сочиненных предложений, соотносимых с глаголом говорения (утверждения), и некоторых других фактах английского языка (всего приводится 14 доводов), Дж. Росс предложил ввести в глубинную структуру английских повествовательных предложений перформативную интродукцию *Я говорю тебе, что...*, подчиняющую себе в качестве вышестоящего предложения собственно сообщение. В заключение Росс приходит к выводу, что перформативный анализ должен быть распространен на все виды высказываний⁷⁴.

После публикации статьи Росса термин „перформатив“ закрепился в работах генеративного направления за глаголами говорения.

В этом же русле развивались идеи английского лингвиста П. Сюрена, по мнению которого в глубинной структуре каждого предложения должен присутствовать один перформатив, обнаруживающий коммуникативную целенаправленность высказывания (a performative semantic feature of entertainment)⁷⁵.

Интерес к структуре речевого акта, стимулированный работами Остина и Сирля, привел некоторых генеративистов к более тщательному изучению речевой деятельности. Так, Д. Гордон и Дж. Лаков сделали попытку сформулировать постулаты разговорной речи. К их числу авторы отнесли условие искренности, предъявляемое коммуникацией как к говорящему (speaker based sincerity condition), так и к адресату речи (hearer based sincerity condition), условие разумности (reasonableness condition) и принцип сотрудничества (cooperative principle), выражающийся в презумпции полноты информации, сообщаемой говорящим⁷⁶.

Идея целенаправленного речевого акта, важная для современных концепций, связывающих речевую деятельность с другими видами активности, побудила обратить более пристальное внимание на речевой подтекст, которому соответствуют истинные цели сообщения, т. е.

⁷⁴ J. R. Ross. On declarative sentences. «Readings in English transformational grammar». Waltham, Mass., 1970, стр. 261.

⁷⁵ P. A. M. Seuren. Operators and nucleus. Cambridge, 1969, стр. 139.

⁷⁶ D. Gordon, G. Lakoff. Указ. соч. (французский перевод статьи см.: «Langages», 1973, N 30).

на те случаи, когда говоря одно, имеют в виду совсем другое. Д. Гордон и Дж. Лаков считают этот принцип одной из общих характеристик разговора. Они стремятся установить регулярные соотношения между прямым и косвенным (истинным) значением диалогических реплик. Сформулированные выше общие принципы разговора проливают свет на сдвиги коммуникативной цели предложения относительно его формально-грамматической структуры. Так, всякое утверждение искренности говорящего, т. е. введение перформативов желания, мнения и намерения, адекватно соответственно просьбе, утверждению, обещанию. Ср. *Я хочу, чтобы вы открыли окно* = = *откройте окно*; *я думаю, что пора идти домой* = *пора идти домой*; *я намерен вернуть свой долг* = *я обещаю вернуть свой долг*. Вопросы касательно искренности адресата речи также регулярно получают косвенные коммуникативные значения. Ср. *Вы не думаете, что пора идти домой?* = *пора идти домой*.

Подобное употребление отвечает тому, что авторы называют «постулатом смягчения коммуникативного намерения» (*softened-suggestion postulate*).

Существует много регулярных соответствий между косвенным смыслом высказываний и особенностями его структуры. В тех случаях, например, когда вопрос о причине некоторого действия скрывает за собой упрек или отрицательную оценку этого действия, он обычно содержит глагол в инфинитиве, а не в изъявительном наклонении. Предложение *Why paint your house purple?* 'Зачем красить дом в яркокрасный цвет?' недвусмысленно. Оно может быть понято только как выражение осуждения или как требование оправдания⁷⁷. Употребление *please* в препозиции к любому предложению свидетельствует о том, что оно, независимо от своего грамматического построения, включает в себе просьбу.

Особенно интересен вопрос о том, при каких условиях перформативный глагол, сдвинутый в зависимую позицию (*embedded performative*), сохраняет свою силу. Авторы отмечают, что, например, просьба о разрешении произнести перформатив адекватна самой перформативной акции. Вопрос *Могут ли я сказать Вам, что люблю вас!* равносильен любовному признанию.

⁷⁷ D. Gordon, G. Lakoff. Указ. соч., стр. 10.

Приведенные правила определяют выбор семантической интерпретации предложения с тем или другим буквальным (прямым) содержанием. Механизмы, снимающие двусмысленность высказывания, как бы аннулирующие их прямое значение, могут оцениваться как грамматика речи, надстраивающаяся над грамматикой языка.

Таким образом, была поставлена задача последовательного и систематического изучения коммуникативного значения высказывания, его взаимодействия с грамматическим строением предложения и коммуникативной ситуацией. О Дюкро полагает, что семантическое описание языка должно позволить вывести коммуникативную значимость высказывания, если даны обстоятельства, в которых оно было произнесено. Он предлагает разделить семантическое описание языка на два компонента: собственно лингвистический и риторический. В риторическом разделе семантики, по мысли Дюкро, должны быть даны правила определения эффективного (актуального) смысла высказывания, в том числе и его «второго смысла» (подразумеваемого)⁷⁸.

* * *

Итак, если для логики анализа смысл предложения считался категорией объективной, а его истинность независимой от прагматического фактора речи, то передвижение интереса от предложения к высказыванию, от языка к речи вообще и речевому акту в частности, от пропозиции к пропозициональному отношению, от мира к человеку, от семантики к прагматике привело к тому, что вместо объективного принципа истинности предложения в центре внимания логиков оказался субъективный принцип искренности высказывания. Другими словами, понятие истинности сместилось и было отнесено не к пропозиции, а скорее к глаголам «иллокутивных сил», вводящим пропозицию. Верификация высказывания стала проходить не только путем обращения к внешнему миру или применения правил логического вывода, но и через выяснение «истинных» мыслей, чувств и намерений говорящего, т. е. путем обращения к его внутреннему миру.

⁷⁸ O. Ducrot. Presupposés et sous-entendus. «Langue Française», 1969, N 4, стр. 30 и сл.

Искренность ведь есть не что иное, как субъективная (психологическая) истинность. Ср. *Я искренне думаю, что ты честный человек* = я поистине думаю, что ты честный человек. Апелляция к психике говорящего в качестве критерия истинности высказывания, впрочем, вполне уместна, когда сообщаемое содержится в глаголе пропозиционального отношения, а не в пропозиции, которую он вводит.

В целом можно констатировать, что теория иллокутивных сил, выдвинутая Остином и разработанная Сирлем, заставила обратить более непосредственное внимание на значение, употребление и принципы описания глаголов, выражающих отношение к пропозиции говорящего и ее отношение к адресату речи. В лингвистике, в которой изучение коммуникативных целей предложения обычно ограничивалось повествовательными, вопросительными и повелительными предложениями, к идее пропозиционального отношения близко подошел Ш. Балли в своей теории эксплицитной модальности, основанной на идее модуса и диктума средневековых логиков⁷⁹.

Глаголы пропозиционального отношения и интенциональность

Выше были коротко изложены причины интереса представителей Оксфордского направления к глаголам пропозиционального отношения. И это не первый случай обращения логиков к данной проблематике. Далекие истоки идей особого статуса в языке глаголов пропозиционального отношения можно видеть в разделении физических и ментальных актов в концепциях схоластов. Фома Аквинский, например, писал в «*Summa Theologiae*». *Duplex est actio: una, quae transit in exteriorem materiam ut calefacere et secare; alia, quae manet in agente, ut intelligere, sentire et velle* (Действия бывают двух родов: одни, такие, как нагревание и резание, направлены на внешнюю материю; другие, такие, как понимание, чувст-

⁷⁹ *Ch. Bally. Syntaxe de la modalité explicite. «Cahiers F. de Saussure», 1942, N 2 (статья перепечатана в: «A Geneva School Reader in linguistics», Ed. by R. Godel. Bloomington — London, 1969).*

зование и желание, осуществляются внутри агента⁸⁰. Если физическое действие вызывает изменения в объекте, то психологические процессы скорее связаны с изменениями в субъекте.

Мысль о своеобразии ментальных актов и, следовательно, семантической специфике обозначающих их глаголов легла в основу концепции интенциональных предикатов и интенциональных предложений, обновленной и введенной в обиход современной логики Ф. Brentano, понимавшим под интенциональностью то формальное свойство, которое присуще описанию психологических событий и состояний. Объект интенциональных глаголов обладает ментальным существованием. В этом смысле он противостоит реальному объекту.

Интенциональные глаголы естественно сочетаются с пропозицией и ее эквивалентами (см. подробнее в главе «Закономерности формирования семантической структуры предложения»), т. е. фигурируют в двуглагольном (двупредикатном) предложении, на что обращал внимание и Б. Рассел⁸¹.

Критерий двуглагольности не может однако быть достаточным для выделения интенциональных предикатов, поскольку ему удовлетворяют также предложения с модально-вспомогательными и фазовыми глаголами⁸².

⁸⁰ Цит. по: *A. Kenny. Action, emotion and will. London, 1963, стр. 196.*

⁸¹ *B. Russell. Logic and knowledge, стр. 216 ff.*

⁸² Любопытно, что обсуждая проблему эксплицитной модальности и возможности преобразований подчиненного ей объектного предложения в инфинитив, Ш. Балли, идеи которого во многом сформировались под влиянием логических теорий, обратил внимание на необходимость отделения глаголов, выражающих модус, от других глаголов — аспектуальных и диатетических (обозначающих субъективное отношение к действию — *se préparer à, tenter de, s'efforcer de, s'obstiner à, se hâter, réussir à* и пр.), которые также способны управлять инфинитивом и отглагольным именем. Ш. Балли предложил для французского языка следующий принцип их дифференциации: глаголы, выражающие модус, допускают замену инфинитива придаточным предложением, либо они находятся в синонимических или антонимических отношениях с другими модальными глаголами, способными управлять придаточным объектным. Так, глагол *sommer* может подчинять себе только инфинитив (*Je vous somme de partir*), но его синоним *ordonner* способен управлять не только инфинитивом, но и личной формой глагола (*J'ordonne que vous partiez*). См.: *Ch. Bally. Syntaxe de la modalité explicite. «A Geneva school reader in linguistics», стр. 14—16.*

Поэтому были предложены три дополнительных критерия интенциональности. Первый и основной из них состоит в следующем: предложение Q , содержащее P , интенционально, если ни Q , ни не- Q не имплицирует ни P , ни не- P . Например, ни одно из контрадикторных предложений *Я просил тебя вернуть кольцо* и *Я не просил тебя возвращать кольцо* не имплицирует ни предложение *Ты вернул кольцо*, ни его отрицание *Ложно, что ты вернул кольцо*.

Этот критерий, однако, выводил из числа интенциональных глаголы знания, что казалось многим логикам нежелательным. Для того, чтобы этому воспрепятствовать, прибегают к дополнительному (второму) критерию, основанному на идее референтной затемненности Куайна. Пусть E — предложение идентификации формы « $A = B$ ». Члены этого равенства, A и B , входят в предложения P и Q , в которых они находятся в одинаковой позиции. Предложение P следует считать интенциональным, если E и P совместно не имплицируют Q . Например, из двух следующих предложений *Цицерон есть Туллий* и *Джон знает, что Цицерон был убит* не вытекает, что *Джон знает, что Туллий был убит*.

Если в качестве объекта глагола употреблена не пропозиция, а субстантивное выражение (имя нарицательное), то глагол следует считать интенциональным, если ни положительная, ни отрицательная форма этого предложения не имплицирует факта существования предмета, обозначенного именем. Так, ни утверждение *Диоген искал честного человека*, ни контрадикторное предложение *Ложно, что Диоген искал честного человека* не имеют своим следствием истинность суждения о существовании искомого человека. Таким образом, контекст *Диоген искал честного человека* относится к числу интенциональных, в то время как *Диоген сидел в бочке* к этой категории не принадлежит⁸³.

Чисто логический интерес к глаголам пропозиционального отношения связан также с задачей создания теории истинности для естественных языков. Эта линия развития может быть проиллюстрирована работами Л. Карттунена, посвященными соотношению между значением пропозиционального глагола и истинностным зна-

⁸³ А. Кенну. Указ. соч., стр. 197—201.

чением вводимой им объектной пропозиции⁸⁴. Л. Карт-
тунен выделил группу предикатов (он назвал их имплика-
тивными), влияющих на истинностное значение зависимой
от них пропозиции. Импликативные глаголы могут быть
разбиты на следующие семь групп.

1) Фактивные глаголы, истинностное значение кото-
рых не отражается на истинностном значении пропози-
ции; последняя всегда истинна:

Я сожалею, что пришел }
Я не сожалею, что пришел } → *Я пришел*

2) Импликативные глаголы, истинностное значение
которых одинаково с истинностным значением пропозиции:

Мне удалось решить задачу → *Я решил задачу*
Мне не удалось решить задачу → *Я не решил задачи*

3) Глаголы отрицательной импликации, обусловли-
вающие обратное истинностное значение объектной про-
позиции:

Он отказался помочь → *Он не помог*
Он не отказался помочь → *Он помог*

4) Глаголы каузации (si-verbs), только позитивная
форма которых имплицитно истинностное значение про-
позиции:

Петр заставил меня остаться дома → *Я остался дома*

Отрицательная форма глаголов этой группы нейтральна
к истинностному значению объектной пропозиции. Из
предложения *Петр не заставлял меня оставаться дома*
нельзя сделать определенных выводов о последующем
событии.

5) Глаголы отрицательной каузации, положительная
форма которых имплицитно истинность отрицательной
формы объектной пропозиции: }

Он удержал меня от совершения этого поступка →
→ *Я не совершил этого поступка*

Отрицательная форма глаголов этой группы лишена им-
пликаций.

⁸⁴ L. Karttunen. La logique des constructions anglaises à complé-
ment prédicatif. «Linguages», 1973, N 30.

6) Модальные глаголы (*seulement-si-verb*es), отрицательная форма которых имплицитует отрицательную форму объектной пропозиции:

У меня не было возможности поехать в Крым → Я не поехал в Крым

Положительная форма этих глаголов не имплицитует ни истинности, ни ложности объектной пропозиции.

7) Отрицательно-модальные глаголы, отрицательная форма которых имплицитует истинность объектной пропозиции:

Петр не колебался назвать (без колебаний назвал) молодого человека лжецом → Петр назвал молодого человека лжецом.

Положительная форма глагола *hesitate* 'колебаться' (он один образует данную группу) не имплицитует истинностного значения зависимой пропозиции.

Сформулировав приведенные простые правила импликации, Л. Картунен применяет их к усложненным цепочкам пропозициональных глаголов. Так, по правилам импликации предложение *Bill did not have the foresight not to force Mary to prevent Sheila from having an opportunity to try that new detergent* 'Билл не был достаточно предусмотрителен, чтобы не заставлять Мери удерживать Шейлу от того, чтобы она воспользовалась возможностью испробовать это новое очищающее средство' позволяет заключить *Sheila did not try that new detergent* 'Шейла не испробовала этого нового средства'⁸⁵.

Отрицание является не единственным фактором, влияющим на имплицитивную способность пропозициональных глаголов. Совершенно аналогичный эффект имеет видовое значение перфективности / неперфективности действия. Ср. *Я мог прийти* имплицитивно нейтрально, а *Я смог прийти* имплицитует истинность зависимой пропозиции⁸⁶.

Таким образом, то что в теории речевой деятельности рассматривалось в ракурсе последствий речевого акта

⁸⁵ L. Karttunen. La logique des constructions anglaises à complément prédicatif, стр. 74—75.

⁸⁶ R. Zuber. Quelques problèmes de logique et langage. «Langages», 1973, N 30, стр. 13.

(ср. перлокутивный эффект речи, по Дж. Остину), с собственно логистических позиций оценивается как проблема истинности, извлекаемой из высказывания пропозиции, т. е. в связи с законом логического вывода.

* * *

Итак, в основе выделения глаголов пропозиционального отношения лежит фундаментальное для понимания структуры высказывания деление глаголов (предикатов) на две категории — глаголы со значением механического действия и глаголы, обозначающие ментальные акты, или, иначе, глаголы, обозначающие «внешнюю» и «внутреннюю» деятельность человека. Представители разных логических школ и направлений разными путями и в разных целях шли к установлению и обоснованию этого различия.

Схоластам оно было нужно для различения действий, замкнутых в субъекте (*actio manens in agente*) и действий, переходящих на объект (*actio transiens in materiam exteriorem*). Разграничение интенциональных и неинтенциональных предикатов имело своей целью также различение интенциональных и неинтенциональных объектов, т. е. объектов, имеющих ментальное и реальное существование.

Представители школы логического анализа, а также модальной логики, которых прежде всего занимала проблема пропозиции и ее истинностного значения, интересовались глаголами пропозиционального отношения постольку, поскольку, входя в сочетание с пропозицией, они влияют на ее истинностное значение, а, следовательно, и на процедуру логического вывода. Кроме того, эти глаголы определенным образом воздействуют и на правила референции имен, создавая так называемые косвенные контексты (подробнее см. в гл. III. «Элементы теории референции»). В этой версии, как и в концепции модальной логики, психологические предикаты объединяются с собственно модальными значениями.

Перенос центра тяжести на изучение и моделирование речевой деятельности привел к противопоставлению глаголов, обнаруживающих коммуникативное задание, и объективно значимой части предложения, т. е. пропозиции.

В концепции Остина, пришедшего к выделению коммуникативных целей от идеи высказывания - постука, это противопоставление приняло форму различия иллюкутивных сил и локуции.

Последующее стремление к демодализации пропозиции, естественно, вело к расширению ее противочлена, вбирающего в себя все категории модальности. Можно было бы, пожалуй, утверждать, что общей тенденции развития логических идей отвечает постепенное смещение разделителя вправо по шкале семантического содержания высказывания, на левой стороне которой сосредоточены субъективные категории, а на правой — объективное содержание. Иначе говоря, намечается обеднение понятия пропозиции, превращающегося в чисто реляционную категорию, и обогащение понятия модального компонента высказывания (см. выше).

В логических концепциях структуры предложения, таким образом, сложились следующие противопоставления: модус — диктум, интенциональный глагол — интенциональный объект, иллюкутивный глагол — локуция, модальный компонент — пропозиция.

Взаимодействие пропозиции и предикатов пропозиционального отношения

Дальнейшая эволюция логических идей пропозиции и глаголов пропозиционального отношения характеризуется попытками обследовать и описать языковые формы, соответствующие этим понятиям, путем применения лингвистических, в частности трансформационных, методов. Целью такого анализа является определение связи между пропозицией и значением коррелирующего с ней глагола пропозиционального отношения, т. е. изучение этих дополняющих друг друга категорий в их взаимодействии.

З. Вендлер, включив перформативы в категорию пропозициональных глаголов, связал изложенную выше концепцию речевой деятельности с теорией пропозиции и глаголов пропозиционального отношения. Проанализировав формальные характеристики английских пропозициональных глаголов (их способность употребляться в прогрессивных временах, значение, принимаемое в 1-м

лице наст. времени, и др.), 3. Вендлер разбил их на три группы: 1) перформативы (перфективные глаголы, естественно употребляющиеся в 1-м лице наст. времени — *я приказываю, я обещаю, я сообщаю* и пр.); 2) глаголы пропозиционального свершения (перфективные глаголы, употребление которых в 1-м лице наст. времени требует контекстуальных уточнений — *я никогда ничего не решаю сам*); 3) глаголы пропозиционального состояния (неперфективные глаголы, допускающие свободное употребление в 1-м лице наст. времени — *я думаю, я наложу, я сомневаюсь*).

Далее каждый из этих классов делится на группы в зависимости от структуры подчиненной им пропозиции⁸⁷. Формальная классификация пропозициональных глаголов Вендлера почти полностью совпала с интуитивной систематизацией материала в книге Дж. Остина, за тем лишь исключением, что глаголы побуждения (*exercitives*) были разбиты Вендлером на две группы: собственно глаголы побуждения и глаголы «назначения» (*operatives*). Последние, в отличие от первых, управляют пропозицией со связочным глаголом становления. Ср. во французской версии: *Je vous designe pour que vous deveniez candidat = Je vous designe pour devenir candidat*⁸⁸.

Все пропозициональные глаголы, по Вендлеру, соотносятся с конструкциями, соответствующими в явной или неявной форме неполной номинализации предложения, т. е. такой степени его субстантивации, которая не исключает соединения с «иллокутивными силами», и в частности, с модальностью утверждения. Здесь необходимо остановиться на теории номинализации, разработанной Вендлером и составляющей основу его лингвистических взглядов⁸⁹. Именно внутри этой теории сформировалось выдвигаемое им понятие пропозиции. Вендлер делит номинализации предложения (*nominals*) на два класса — полные и неполные (*perfect and imperfect nominals*).

⁸⁷ Z. Vendler. Les performatifs en perspective. «Langages», 1970, N 17, стр. 80 и след.; *Он же*. Say what you think. «Studies in thought and language». The Univ. of Arizona Press, 1970, стр. 88—89.

⁸⁸ Z. Vendler. Les performatifs..., стр. 86.

⁸⁹ Теория номинализации излагается Вендлером в двух приведенных выше статьях, а также в кн.: Z. Vendler. Linguistics in philosophy. Ithaca, N. Y., 1967, гл. 7 и 8; *Он же*. Adjectives and nominalizations. The Hague — Paris, 1968.

Различение тех и других осуществляется по формальным чертам, а именно по тому, в какие контексты они способны входить. Те семантические разновидности предложений, в которые могут включаться номинализации, Вендлер называет «контейнерами» (англ. container, фр. récipient). Между теми и другими — номинализациями и «контейнерами», или «футлярами», — имеются известные структурные и семантические соответствия. Предложение-футляр предрасположено к принятию лишь определенных видов номинализаций. Так, полные номинализации вводятся такими глаголами как *видеть, смотреть, наблюдать, любить* (в значении «нравиться»), *чувствовать* и пр. Ср. *Мы наблюдали за полетом самолета; Я люблю шум дождя; Я чувствую прилив бодрости.* Полные номинализации охотно сочетаются с предикатами типа *иметь место, происходить, длиться, начинаться*, с предикативными прилагательными — *медленный, внезапный, бурный, длительный*, с существительными в функции сказуемого — *событие, процесс*. Ср. *Завоевание Европы германскими племенами происходило долго и мучительно / было длительным / было большим историческим событием / оказало огромное влияние на историю многих народов.*

Неполные номинализации зависят от глаголов речи и мышления, т. е. глаголов, выражающих отношение утверждения (*сказать, упомянуть, утверждать, думать, считать, отрицать, подтверждать* и пр.). В постпозиции к ним могут стоять такие предикаты, как *возможно, истинно, правда, ложь, факт, результат чего-либо* и т. п. Ср. *Я утверждаю, что германцы завоевали почти всю Европу; То, что германские племена завоевали почти всю Европу, — факт / правда / невероятно /, результат разложения Римской империи* и пр.

Предложения, включающие полные номинализации, Вендлер характеризует как «тесные контейнеры» (tight containers), предложения, допускающие в своем составе неполные номинализации, могут быть названы «свободными контейнерами» (loose containers). Последние легко сочетаются и с именами действия (т. е. формально полными номинализациями), напоминая гостеприимных хозяев.

Выделение двух типов номинализаций имеет непосредственное отношение к разработке концепции пропозиции, в частности к определению объема этого понятия. З. Вендлер называет пропозицией абстрактную единицу, обра-

зуюмую перифрастическим набором неполных номинализаций и репрезентируемую любым членом этого набора ⁹⁰. Пропозиции, по Вендлеру, соответствует конструкция, способная соединяться с глаголами пропозиционального отношения, в частности характеризоваться параметром истинности (см. подробнее выше).

Формальное разграничение между типами номинализаций весьма неустойчиво, причем, по наблюдениям Вендлера над синтаксисом английского языка, полные номинализации могут фигурировать как в тесном, так и в свободном контейнере, но не наоборот (т. е. неполные номинализации не входят в тесный контейнер). Отсутствие однозначного отношения между формой и функцией номинализаций может повести к созданию двусмысленных высказываний. Так, англ. *John's singing of the Marseillaise surprised me* букв. 'Пение Джоном Марсельезы поразило меня' имеет следующие два прочтения: 1) тот факт, что Джон пел Марсельезу, поразило меня; 2) то, как Джон пел Марсельезу, поразило меня ⁹¹. В русском языке приведенному содержательному различию соответствует различие между придаточными, вводимыми при помощи союза *что*, — с одной стороны, и придаточными, начинающимися с относительных местоимений *как*, *когда*, *где* и пр. — с другой.

Попадая в «свободный» контейнер, имя действия скрывает за собой значение, свойственное неполным номинализациям предложения. Высказывание *Поражение этой команды маловероятно* должно прочитываться так: «То, что эта команда потерпит поражение, маловероятно». Наблюдения над русским синтаксисом свидетельствуют о том, что в определенных условиях актуализации предложения можно констатировать и обратное явление: предложение с глаголом в личной форме способно не только передавать суждение, но и служить наименованием события, квалифицируемого по способу протекания, временным и локальным параметрам. Так, если в русском предложении выделены в качестве ремы обстоятельства, то коррелятивная им пропозиция не выражает суждения, а идентифицирует событие. Ср. *Мы работали. Работали мы // в Заполярье. Работали //*

⁹⁰ Z. Vendler. Say what you think, стр. 93.

⁹¹ Z. Vendler. Linguistics in philosophy, стр. 40.

под руководством одного опытного геолога. Логически правильное (хотя и громоздкое) изложение должно было бы быть следующим: *Мы работали. Наша работа имела место в Заполярье. Наша работа в Заполярье проходила под руководством одного опытного геолога.*

Русский язык, в котором развита система подвижного актуального членения, осуществляемого средствами интонации и порядка слов и обуславливающего мобильность отрицания, избегает номинализаций в функции субъекта высказываний, выражающих суждения второй степени. Поэтому в нем сообщения о событиях часто оформляются одинаково с сообщениями о предметах, а суждения об объектах действия сохраняют структуру предложений, выражающих суждения о субъекте. Иными словами, в русском языке коммуникативная реорганизация предложения не разрушает его грамматической структуры, новое добавляется к данному, не трансформируя его. Этот принцип коммуникативной организации предложения может быть назван *а д д и т и в н ы м*. Следует попутно заметить, что в теории актуального членения недостаточно эксплицируется мысль о том, что изменение ремы ведет обычно к принципиальным изменениям в семантике темы. Так, актуализация обстоятельств не может не сопровождаться преобразованием предметного субъекта в событийный.

Соблюдение аддитивного принципа построения текста отвечает в то же время тенденции к односубъектности повествования как определенному стилистическому приему. Ср. следующие две возможности построения текста: 1) *Алеша полюбил Веру. Он полюбил ее с первого взгляда. Он полюбил ее всей душой. Он любил ее беззаветно. Он любил ее безответно*; 2) *Алеша полюбил Веру. Его любовь возникла с первого взгляда. Его любовь была беззаветной. Вера не отвечала ему взаимностью.*

Теория полных и неполных номинализаций З. Вендлера перекликается с идеей фактивных и нефактивных глаголов, сформулированной П. и К. Кипарскими⁹² и сочувственно принятой многими лингвистами⁹³. На-

⁹² P. Kiparsky, C. Kiparsky. Fact. «Progress in linguistics». The Hague — Paris, 1970.

⁹³ Среди многочисленных откликов представляют известный интерес: D. Wilson. Presuppositions on factives. «Linguistic Inquiry», 1972, v. III, N 3; P. Postal. A few factive facts.—Там же.—Кри-

блюдая, как и Вендлер, за английскими субъектными и объектными придаточными и их возможными преобразованиями, Кипарские обратили внимание на зависимость их формы от семантического класса сказуемого. К группе предикатов, названных авторами **ф а к т и в н ы м и**, относятся такие, как *быть странным, трагическим, волнующим, идти в счет, иметь значение, играть роль, быть достаточным, забавлять* и т. п. В группу нефактивных предикатов входят: *казаться, представляться, оказываться, быть возможным, истинным, ложным* и т. п. При фактивных предикатах субъект может вводиться словами *тот факт, что...*, иметь форму герундия и имени качества или действия. Н е ф а к т и в н ы е предикаты допускают инфинитивный субъект и не терпят выноса придаточного на первое место.

Столь же явственно различается синтаксическое поведение придаточных дополнительных, мотивирующее разделение переходных глаголов на **ф а к т и в н ы е** (*сожалеть, принимать во внимание, забывать, помнить* и др.) и **н е ф а к т и в н ы е** (*предполагать, утверждать, заключать, воображать, думать* и пр.). Структурное различие соотносится с определенным содержательным различием, которое состоит в том, как полагают авторы, что фактивные предикаты имплицитно подразумевают истинность придаточного предложения, в то время как нефактивные глаголы лишены этой импликации. Предложение *Странно, что идет дождь* естественно только в условиях дождя, а утверждение *Полагаю, что идет дождь* может быть сделано при любой погоде. В первом случае сообщаемое заключено в предикате *странно*. Ситуация дождя не делает это предложение истинным, хотя и составляет необходимое условие его включения в коммуникацию. Во втором случае сообщение касается выпадения осадков и их отсутствия довольно, чтобы предложение оказалось ложным.

Авторы, таким образом, различают 1) пропозиции, которые говорящий утверждает как истинные (при нефактивных глаголах), и 2) пропозиции, истинность которых принимается говорящим как данное, как исходный пункт сообщения. Фактивность связана с п р е с у п п о з и

тически отнесся к работе Кипарских И. Польдауф (см.: *I. Pol-dauf. Fact and non-fact. «The Prague bulletin of mathematical linguistics», 1972, N 18.*

цей истинности, а нефактивность с утверждением истинности. Кипарские соотнесли возможные различия в актуальном членении сложносубъектных и сложнообъектных предложений с семантикой предикатов.

Соединив идею фактивности с теорией пресуппозиций, Кипарские предположили, что в пресуппозицию утверждения может входить только обозначение факта. Представляется, что суть дела здесь скорее в другом: пресуппозицию утверждения может составить обозначение события, уже введенного в качестве предмета речи, темы. Ср. *Прошу тебя принять участие в дискуссии. Твое выступление будет встречено сочувственно / совершенно необходимо / могло бы убедить многих.* В первом предложении сообщается о желательности некоторого действия (выступления адресата речи), которое тем самым получает «мандат» на занятие субъектной позиции. Во втором предложении делается утверждение о некоторых свойствах или возможном эффекте предполагаемой акции. Когда речь идет о вероятном или желательном действии, полная номинализация субъектного придаточного (*твое выступление*), которая обычно применяется для обозначения факта, уравнивается модальным предикатом, указывающим на гипотетический характер обсуждаемого события.

Несовершенство действия, служащего темой сообщения, нередко эксплицируется в условном придаточном предложении. Ср. *Если ты придешь, все будут этому рады (этому = твоему возможному приходу); если ты опоздаешь, это всех огорчит (это = твое возможное опоздание).*

Некоторые логики и лингвисты (И. Хинтиikka, Дж. Морган, М.-Л. Риверо, Л. Карттунен и др.) говорят в подобных случаях о «возможных мирах», образуемых несовершенными событиями, и о создающих эти миры предикатах (world-creating verbs)⁹⁴.

Из сказанного следует, что полная номинализация и прономинализация предложения скрывает за собой не только его номинативный аспект, но и модальное значение

⁹⁴ L. Karttunen. La logique des constructions anglaises a complément predicatif.—«Langages», 1973, N 30, стр. 59—61; M. L. Rivero. Remarks on operators. «Foundations of Language», 1972, v. 9, N 2, стр. 231—233.

предшествующего сообщения, его коммуникативную направленность, эксплицитно или имплицитно передаваемую глаголом пропозиционального отношения. Ср. *Приходи завтра. Твой приход всех обрадует. Сочетание твой приход*, выступающее здесь в качестве определенной дескрипции (т. е. имени нарицательного, обладающего единичной референцией), должно прочитываться как «приход, о котором я тебя прошу».

Категория определенности слова или словосочетания, т. е. его отнесенность к конкретному предмету, лицу или событию, обычно опирается на имплицитные ограничительные придаточные, извлекаемые из предтекста или ситуации. Применительно к конкретным существительным это убедительно показал З. Вендлер⁹⁵. Ср. *Девочка увидела кота. Кот (которого увидела девочка) был черный*. Ограничительное придаточное строится на базе сказуемого предшествующего сообщения.

Определенная дескрипция, обозначающая событие, также поддерживается рестриктивным придаточным, причем последнее создается на основе пропозиционального глагола, в явной или неявной форме присутствующего в предтексте. Ср. *Советую тебе вернуться. Твое возвращение (которое я советую тебе осуществить) очень желательно во многих отношениях. Обещаю тебе помочь. Моя помощь (которую я тебе обещаю оказать) будет состоять в следующем. Мой друг любит Веру. Любовь моего друга к Вере (которую я утверждаю как истину) глубока и бескорытна*.

Утверждение сообщения как истинного соответствует лишь одному из типов пропозиционального отношения. За полной номинализацией предложения, поэтому, далеко не всегда стоит факт. Степень номинализации предложения, таким образом, не свидетельствует о реальности обозначаемого события, а скорее о его «утвержденности» в качестве предмета речи. Проблема полных и неполных номинализаций предложения, а также фактивных и нефактивных предикатов оказывается осложненной многочисленными случаями несоответствия содержательной функции и ее «поверхностной» реализации.

Мысли, близкие изложенной концепции Кипарских, высказывал и П. Адамец, предложивший различать

⁹⁵ Z. Vendler. *Linguistics in philosophy*. Гл. 2. Singular terms.

фактографические и идеографические номинализации ⁹⁶.

Приблизительно те же различия в форме и значении пропозитивных объектов и пропозитивных субъектов, которые послужили основанием для деления номинализаций на полные и неполные (З. Вендлер), пресуппозитивные и ассертивные (Кипарские), фактографические и идеографические (П. Адамец), побудили Б. Холл-Парти, поставить вопрос о различении объектов-пропозиций и объектов-предложений. На одном конце шкалы глаголов пропозиционального отношения, полагает Б. Холл-Парти, находятся глаголы суждения и глаголы, вводящие прямую речь (*quote contexts*), которые управляют предложением (*sentential object*); на другом конце этой шкалы сосредоточены эмотивные глаголы, соединяющиеся с пропозицией (*propositional object*). В первом случае в общий объем значения предложения входит не только пропозиция, выражаемая придаточным изъяснительным, но и многие черты, относящиеся к форме ее выражения. «Я прихожу к выводу, что потенциально все аспекты вставных предложений от самого «поверхностного» до самого «глубинного» могут оказаться релевантными для значения того предложения, в которое входит данное» ⁹⁷.

Специфика и типы пропозитивного значения

Рассмотренные выше теории номинализаций представляются нам важными в том отношении, что они фиксируют внимание на неоднородности той области, которую можно было бы назвать пропозитивным значением, т. е. значением, восходящим к семантике предложения. Обращение к способам номинализации предложения и тем предикатам, которые обслуживают субъекты пропозитивного значения, убеждает в том, что в русском языке эта семантическая сфера может быть подразделена по крайней мере на три зоны.

⁹⁶ А. Адамец. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных. — ИДВШ, Филол. науки, 1973, № 4, стр. 44—46.

⁹⁷ В. Hall Partee. The semantics of belief-sentences. «Approaches to natural language», Dordrecht—Boston, 1974, стр. 334.

1. Номинализация - процесс. Этот семантический тип номинализаций характеризуется предикатами, относящимися к способу протекания действия, его месту и времени. Ср. *Прогулка детей была длительной / веселой / оживленной / проходила организованно / началась в полдень / затянулась / закончилась поздно / проходила под палящим солнцем / имела место в лесу и т. п.* Обобщающими предикатами служат в этом случае слова *событие, процесс*. Ср. *Прогулка была радостным событием в жизни детей; Его выздоровление оказалось длительным процессом.*

Номинализации этого разряда обычно не содержат отрицания, поскольку перечисленные типы предикатов в общем случае не могут характеризовать свойства отрицательного факта. Выполняя идентифицирующую функцию, номинализация естественно соединяется с актуализаторами. Ср. *Эта (вчерашняя, утренняя, ежедневная и пр.) прогулка детей.*

Предложения, имеющие в качестве своего субъекта процессуальную номинализацию, эквивалентны высказываниям, актуализирующим обстоятельственные слова. Ср. *Прогулка детей была длительной = дети гуляли долго; Прогулка детей закончилась поздно = дети вернулись с прогулки поздно; Прогулка детей проходила под палящим солнцем = дети гуляли под палящим солнцем.*

2. Номинализация-факт. Номинализации этого семантического типа относятся к самому факту осуществления или неосуществления события, к самой идее фактуальности. Они соединяются по преимуществу с предикатами оценочного значения. По своей форме номинализации этого разряда представляют собой отглагольные имена (только в случае положительного факта) и придаточные предложения, вводимые словами *то, что...*, *тот факт, что...* Ср. *Прогулка принесла детям пользу / была полезной; Ежедневная прогулка детей расценивается как положительный факт; Тот факт, что дети прекратили прогулки, не может получить одобрения; То, что дети не гуляют, отражается на их аппетите / вызывает возмущение родителей / имеет своим следствием рост числа заболеваний.* Обобщающим предикатом этого разряда номинализаций служит слово *факт*. Ср. *То, что дети сегодня гуляли, факт.* Номинализация может в равной степени быть позитивной и негативной, поскольку сам факт может

столько же состоять в реализованности некоторого события, сколько в его несвершенности (отрицательный факт).

3. Номинализация-пропозиция. Номинализации этого типа равнозначны предложению, взятому в отвлечении от модуса, т. е. пропозиции в «чистом» виде. Они соединяются с предикатами модального значения, оценивающими утверждение того или иного содержания как истину, ложь или возможность. Ср. *То, что дети гуляли, правда / истина / ложь / вполне возможно / исключено / мало вероятно / выдумка* и т. п. Номинализация-пропозиция может быть как позитивной, так и негативной. Ср. *То, что дети не гуляли, ложь*.

Предложения этого типа представляют собой эмфатический эквивалент номинализуемого высказывания, т. е. возвращают к исходному суждению. В них модальное значение вынесено в позицию ремы. Ср. *Дети не гуляли* → *То, что дети гуляли, ложь* → *То, что дети не гуляли, правда*. К таким предложениям прибегают обычно для подтверждения или опровержения чужого высказывания. Они соотносительны с предложениями, содержащими эксплицитный модус. Ср. синонимический ряд: *Дети, очевидно, гуляли* — *Очевидно, что дети гуляли* — *То, что дети гуляли, очевидно*.

Номинализация в этом разряде предложений может быть заменена другими способами обозначения содержания сообщения. Ср. *То, что ты говоришь, истинная правда / правильно / справедливо; Твое утверждение справедливо; Твои слова ложь*. Ср. также *Ты говоришь правду. Ты лжешь*. Предикаты, присоединяемые к номинализации-пропозиции, соотносительны с диалогическими репликами, представляющими собой реакцию на полученное сообщение. Ср. *Правда! Неправда! Возможно! Несомненно! Правильно! Ложь! Не может быть! Сомнительно*. В качестве обобщающих предикатов номинализации этого типа обслуживаются такими словами, как *суждение, мнение, мысль* и др. Ср. *То, что дети не должны гулять, странная мысль*. Если номинализация содержит глагол в будущем времени, то она соотносима с любым именем, обозначающим речевой акт по его коммуникативной цели. Ср. *То, что ты уйдешь из дому, пустая угроза; То, что тебе следует уехать, его совет*.

Таким образом, предложение лежит в основе трех типов производных значений, соответствующих процессу,

факту и пропозиции (суждению). Первый тип значений выражается полной номинализацией, т. е. абстрактным (отглагольным и отадективным) именем. Второй тип значения может быть выражен как абстрактным именем (при отсутствии отрицания), так и неполной номинализацией — придаточным, вводимым словами *то, что; тот факт, что*. Третий тип значения реализуется неполной номинализацией. Абстрактные имена (полные номинализации) могут получать первое и второе значения, а придаточные предложения (неполные номинализации) допускают употребление во втором и третьем значениях. И те и другие, следовательно, неоднозначны. Первые могут быть замещены словами *событие, процесс*, обобщающими их значение и выступающими по отношению к ним в роли местоимения. Вторые замещаются словом *факт*; третьи соотносительны со словами *суждение, утверждение, мысль* и пр. Все типы номинализаций коррелируют с местоимением *это*. Ср. *Это длилось долго; это принесло пользу; это ложь*.

Итак, по своему значению и формальным признакам номинализации распределяются не между двумя категориями (ср. теорию полных и неполных номинализаций), а по крайней мере, между тремя.

* * *

Сколько ни глубоки, однако, различия между охарактеризованными выше типами значений, они могут быть объединены в класс пропозитивной семантики, специфику которого нужно, по-видимому, искать в том общем, что присуще предложению и номинализированным конструкциям. Ср. следующие предложения с их трансформами: *книги выдаются в библиотеке* → *выдача книг в библиотеке*; *мы рады* → *наша радость*; *мальчик едет на велосипеде* → *езда мальчика на велосипеде*; *художник увлеченно работает над картиной* → *увлеченная работа художника над картиной*.

Та структурная черта, которая дает основание для сближения сравниваемых конструкций, состоит в общности их ядерного компонента. В процессе транспозиции центральный компонент предложения как коммуникативной единицы — его сказуемое (оно в классическом случае совпадает с сообщаемым) — преобразуется в смысловое

ядро словосочетания. Под последним имеется в виду слово, обозначающее тот семантический разряд, к которому может быть отнесено значение всей конструкции. Коммуникативная структура предложения, закрепленная в его грамматическом оформлении, оказывается небезразличной для его семантической характеристики. Можно было бы, по-видимому, утверждать, что коммуникативная структура предложения — выделенность в ней сообщаемого формирует его семантическую структуру: коммуникативный центр сообщения становится его семантическим стержнем.

Поскольку наше мышление и общение базируются на отвлеченных категориях и предикатом предложения обозначается относимый к предмету признак, то и субстантивированная (номинализованная) конструкция, семантически эквивалентная предложению, означает свойство или действие. В этом плане предложение и основывающиеся на его сказуемом дериваты могут быть противопоставлены именам конкретно-предметного значения. Различие между этими типами значения с особенной ясностью обнаруживает себя при сравнении предметных существительных с образованными на их основе предложениями. Ср. *Наглец* → *Наглец!* *Белый гриб* → *Белый гриб!*

Предикация существительного, его отнесение к конкретному предмету не только придает ему коммуникативную значимость, но влечет за собой определенные семантические преобразования. В этом убеждает, в частности, то обстоятельство, что обратная трансформация субстантивных предложений в «непредикативное состояние» не имеет своим результатом возвращение к исходной «субстанции». Назывное предложение *Наглец!*, обращенное к собеседнику, семантически соответствует сочетаниям *твоя наглость; то, что ты нагл; то что ты наглец*. Это утверждение верно для любых предложений, возникших на базе конкретной лексики. Ср. *Белые грибы!* → *То, что это были белые грибы, всех обрадовало*.

Таким образом, непосредственно называя предмет, номинативное предложение не выполняет по отношению к нему функции субституции. Оно лишено денотативного наполнения. Преобразуясь в предложение, существительное может обозначать только свойства предмета. Так, конкретное имя приобретает функцию классифицирующего предиката. Напомним, что речевое общение есть обмен

мыслями, а не предметами или их субститутами. Прямая предикация к предмету не дает возможности существительному быть его знаковым заместителем. Однако возникающая на основе предложения номинализованная конструкция может выступать в дальнейшем тексте в качестве субститута конкретного факта. Значение предложения передвигается тем самым на денотативный уровень. Происходит соединение пропозитивной семантики с идентифицирующей функцией, или, иначе, абстрактного (непредметного) значения с единичной референцией. Ср. *Твоя наглость (твоя наглая выходка) всех возмутила.*

Противопоставленность пропозитивной семантики значению конкретных существительных ярко обнаруживает себя в процессе непосредственного преобразования имени в одночленное, не осложненное делексистическими глаголами и распространителями предложение. Она заметна уже потому, что разные семантические категории существительных обладают разной степенью пригодности к использованию в роли контекстуально автономного высказывания⁹⁸. Наиболее естественно образуют высказывание существительные, значение которых непосредственно связано с понятием времени. Ср. *Утро; Полдень; Время обеда; Пора созревания плодов.* За некоторыми словами этого значения прочно закрепилась предикативная функция (*время, пора*). Темпоральные существительные не нуждаются ни в каких дополнительных лексических и грамматических «привесках», чтобы превратиться в высказывание. Для достижения этой цели достаточно снабдить их интонацией сообщения. По своей функции такие предложения могут быть как фоновыми (интродуктивными), так и самодовлеющими высказываниями. Темпоральные имена могут занимать позицию придаточного предложения, прямо подчиняясь союзу и союзному слову. Ср. *Когда май, все цветет; Если уже полдень, давай обедать; Занятия в школе прерваны, так как каникулы.* Приведенные предложения обладают системой модально-временных форм, образованных непосредственным присоединением глагола *быть*. Ср. *Был бы май; Была*

⁹⁸ Г. А. Золотова. О взаимодействии лексики и грамматики в подклассах имен существительных. «Памяти акад. В. В. Виноградова». М., 1971; Н. Д. Арутюнова. О номинативном аспекте предложения. — ВЯ, 1971; № 6; С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 143.

полночь. Вспомогательный глагол выражает только категории времени и наклонения.

Почти столь же легко переходят в предложения существительные, обозначающие звуковые эффекты. Это находит себе объяснение в том, что звуки характеризуются прежде всего временным параметром. Ср. *Пение; Гам; Трели соловья; Третий звонок; Смех*. Как видно из приведенных примеров, «сонантные» существительные охотно образуют одночленные предложения даже в тех случаях, когда они произведены от глаголов. Субстантивное предложение *Третий звонок* едва ли употребляется реже, чем сообщения *Зазвонили в третий раз; Дали третий звонок*. Ср. также соперничество таких пар, как *Галдят* и *Галдеж; Шумят* и *Шум; Трещит* и *Треск* и пр. Предложения этого разряда также обладают системой временных, видовых и модальных форм. Ср. *Был шум; Была бы тишина*. Они могут входить в прямой контакт с союзами. Ср. *Трудно работать, когда шум*. Совершенно аналогично ведут себя и существительные со значением световых эффектов. Ср. *Солнце; Было солнце; Да будет солнце! Хорошо, когда солнце*.

Известной склонностью к преобразованию в предложение обладает событийная лексика — обозначения безличных, неопределенно-личных, социальных, личных и психологических событий, ситуаций, явлений, происшествий, процессов, поступков и пр. Ср. *Бедя; Крушение; Крах; Ветер; Дождь; Буря; Пожар; Мор; Голод; Недород; Паника; Суматоха; Давка; Война; Массовый психоз; Карнавал; Собрание; Конференция; Бесконечные дискуссии; Заседание; Суд; Посевная; Суeta; Беготня; Погрузка; Танцы; Потеха* и пр. Эти имена, так же как и разряды темпоральных и «сонантных» существительных, могут образовывать модально-временную и фазовую парадигму и занимать место придаточного предложения. Ср. *Когда мигрень, не до смеха; Когда давка, лучше в автобус не садиться; Если будет война, весь народ встанет на защиту Родины*.

Чем более предметно значение существительного, тем затруднительней для него непосредственное включение в систему форм предложения. Среди существительных конкретной семантики только разряд пространственных имен свободно образует «фоновые» обстоятельственные предложения. Ср. *Море; Горы; Пустыня; Ледяные поля*.

Собственно предметные существительные могут создавать назывные предложения классифицирующего типа. Ср. *Что у тебя в руке? — Молоток* (= тот предмет, который я держу в руке, есть молоток). Такие предложения обычно контекстуально связаны. Если высказывания типа *Дождь; Полдень* понятны и вне контекста, то предложения *Молоток; Кошелек* вне связи с конституацией могут вызвать недоумение. Конкретные существительные непосредственно не подчиняются союзу. Глагол *быть* в соединении с ними указывает на наличие предмета. Поэтому, в предложениях, образованные на основе конкретной лексики, естественно входят обстоятельства места. Ср. *Здесь был (имелся находился, лежал) молоток*. Между тем замена *быть* глаголами местопребывания недопустима в сочетаниях с событийной лексикой. Ср. *Был (но не находился, имелся, пребывал) ветер*. Появление *быть* при конкретно-предметных именах почти всегда сопровождается локальной детерминацией. Ср. *Здесь была бутылка молока*.

Предложение *Сегодня молока (в молочной) не будет* отлично по значению от предложения *Сегодня дождя не будет*. В этом втором случае значение глагола *быть* состоит в указании на реализацию события в определенный период времени. В первом случае речь идет не о реализации события, а о наличии предмета в определенной пространственной сфере бытия. Пространственно-бытийное значение глагола *быть* не может быть сведено только к грамматическим категориям времени и модальности.

Обращает на себя внимание, что прямое соединение предметной лексики с глаголами *быть* без сопутствующих обстоятельственных слов «проявляет» в имени событийный аспект. Ср. следующие примеры, заимствованные из статьи Н. Ю. Шведовой о семантике односоставных именных предложений⁶⁹: *Войдет гусар в заснеженной шинели / И будут ссора, свечи и дуэль* (В. Некрасов); *Но обязательно будет и другое. Будет притихший космос. И Земля затихнет, отсчитывая предстартовые секунды* (Р. Рождественский); *Было шесть часов вечера, конец мая 1971 года. Был сквер у Большого театра. Мы шли к месту*

⁶⁹ Н. Ю. Шведова. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения. «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов». М., 1973, стр. 468.

встречи, жутко волнуясь («Комсомольская правда», 29 мая 1971 г.).

Событийные коннотации в первом предложении раскрываются семантикой других имен (*ссора, дуэль*), поставленных в один ряд с предметным существительным *свечи*. Речь идет здесь не просто о наличии свечей (как предмета), а скорее о том, что будут гореть (или будут зажжены) свечи. Во втором предложении событийность имени подчеркнута «динамическим» определением (*притихший космодром*). Наконец, в третьем предложении, как и во втором, имя не просто предметно, а скорее пространственно-предметно, т. е. относится к той категории существительных, которые легко образуют фоновые предложения. Последние в семантическом и формальном отношении отличны от предложений собственно предметного значения. Время фоновых предложений относится не к наличию или отсутствию предмета, а к событию, которому данное место служит ареной. Так, из предложения *Был сквер у Большого театра* нельзя заключить, что этого сквера больше нет. Можно было бы сказать *Снова будет сквер у Большого театра*, и это бы значило, что снова повторится в этом месте некоторое событие (например, встреча однополчан).

Вернемся к пропозитивной семантике. Принято говорить, что предложение и его номинативные эквиваленты обозначают события (ситуации, факты, положения дел, реальные и гипотетические), а классические существительные указывают на предметы. Это различие состоит в противопоставлении того, что мыслится во временной протяженности, тому, что характеризуется пространственным параметром. Область семантики, расположенная в плоскости предметно-пространственных отношений, противопоставлена пропозитивной семантической сфере, организуемой осью времени.

Итак, пропозитивные значения абстрактны в том смысле, что они относятся не к самой субстанции, а к ее свойствам. Возникает вопрос: все ли абстрактные имена входят в область пропозитивной семантики? Можно полагать, что пропозитивные значения базируются не на всей зоне абстрактных существительных. Так, обычно не получают пропозитивного значения имена, указывающие на физические параметры предмета (*форма, размер, величина, вес, рост, длина* и т. п.). Такие значения как *высота*

(«вертикальное измерение») возникают, по Куриловичу, как следствие лексической деривации, состоящей в переходе от значения «свойство быть высоким». Последнее же выведено из предиката предложений типа *Дом высокий* → → *высота дома* путем синтаксической деривации¹⁰⁰. Отмеченная Куриловичем вторая ступень деривации (лексическая деривация), следующая за этапом синтаксической деривации, базирующейся на предикате, уводит слово от пропозитивного значения.

Далеки от пропозитивной семантики абстрактные термины, типа *функция, условие, причина, количество, качество, число, признак* и пр. Подобные имена, обозначающие широкие классы понятий, не соотносимы с предикатами. Не составляют ядра пропозиции обозначения элементов психической жизни человека такие как *совесть, ум, рассудок, чувство, настроение* и пр.

Приведенные категории абстрактных имен уже не связаны живыми отношениями с предикатами предложения. Между тем пропозитивная семантика базируется именно на функции предиката. Она может присутствовать, следовательно, только у тех образований, которые выведены из предложения путем синтаксической деривации, опирающейся на предикат.

Пропозитивное значение, таким образом, вырисовывается как значение атрибута (в самом широком понимании этого термина) в его отнесенности или относимости к предметам или явлениям, в его «привязанности» или «привязываемости» к действительности, миру, в его направленности или направляемости на референт.

Это свойство имплицитно речевой характер пропозитивной семантики, которая не может быть выделена у единиц языка, пока они не соотнесены с миром, у тех атрибутов, которые не «зацепились» за какой-либо предмет или явление. Пропозитивная семантика всегда предметно детерминирована. Поэтому ее реализация в классическом случае столь же двучленна, как двучленно «образцовое» предложение, к которому она восходит. Точно так же, как предмет идентифицируется через его атрибуты, свойства (атрибуты) детерминируются через указание на их носителя, т. е. на предмет. Ср. *синева южного моря, бас Шалля-*

¹⁰⁰ Е. Курилович. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. — В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 64.

пина, преданность Жучки, находчивость Коли, яркость Полярной звезды и пр. Предложение *Я встретил мальчика* дает основания и для того, чтобы в дальнейшем повествовании детерминировать *мальчика* через *встречу* (ср. *мальчик, которого я встретил*), и для того, чтобы определить *встречу* через *мальчика* (*встреча с мальчиком*). Таким образом, *встреча* придает определенность *мальчику*, а *мальчик* со своей стороны детерминирует *встречу* (наряду с признаками места и времени).

Итак, пропозитивные значения выступают в связи с предметами, классами предметов, событиями или явлениями, классами событий или явлений, суждениями о предметах или событиях, т. е. в прямой или опосредованной отнесенности к действительности. Так, имя *высота* в дефиниции *Высота есть вертикальное измерение предмета* не выражает пропозитивного значения, а в предложении *Высота горы нас поразила* значение сочетания *высота горы* принадлежит к пропозитивному типу.

Подведем итоги. Пропозитивная семантика (1) непредметна, (2) соотносима с осью времени, (3) мыслится в отношении к предметам и событиям, (4) принадлежит к разряду речевых значений, (5) реализуется предложением и его трансформами (номинализациями), опирающимися на предикат.

Выделение области пропозитивных значений существенно для анализа семантической структуры предложения и действующих в нем закономерностей смысловой координации частей. Этому вопросу будет посвящена следующая глава. В ней мы будем оперировать пропозитивным значением, взятым в его целостности и противопоставляемым конкретно-предметному значению. Необходимость в анализе и обсуждении этого вопроса вызвана тем, что различие между двумя семантическими сферами весьма затемнено в «поверхностном» облике предложения регулярными взаимозаменами конкретных и пропозитивных номинаций.

Обращение к пропозитивной семантике, как нам кажется, представляет собой тот финиш, к которому ведет разработка теории пропозиции в сочетании и взаимодействии с теорией номинализаций предложения.

В заключение этой главы подчеркнем, что тщательное обследование пропозитивных значений может явиться шагом, приближающим к созданию семантики речи.